

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АЛЕКСЕЙ ТРЕФИЛОВ
ШУСТРЫЙ.
РОЖДЕНИЕ ВОИНА

Annotation

Разве миром правят деньги? Нет – отвага, смелость и беспощадность к врагам! Желание выжить и отомстить проведет бывшего курсанта военного училища по прозвищу Шустрый через многочисленные препятствия. Трибунал, стирание личности, межгалактический прыжок? Опальный агент-пограничник не боится трудностей! Внедриться, найти и уничтожить – вот другое название его профессии. Забытая богом планета в галактике Андромеда, мутанты, людоеды и полчища неуспокоенных? Шустрый найдет, чем и как ответить на угрозу!

Алексей Трефилов

Шустрый. Рождение война

Глава 1

Я бежал через лес, ловко уклоняясь от веток и проламываясь сквозь молодую поросль. Легкие работали ровно и ритмично. Сучки кололи босые ноги, но я не обращал на боль никакого внимания – не до того было. Крики преследователей раздавались позади. Споткнулся о корень, на автомате сгруппировался, сделал кувырок и рванул дальше.

Ф-фр-р... Стрела пролетела рядом с головой и воткнулась в ствол дерева.

Подпрыгнул прямо на бегу и выдернул ее: мне очень было нужно хоть какое-нибудь оружие. Многие думают, что стрела без лука бесполезна, но это не так – из нее выходит отличное колющее оружие ближнего боя. Бросив на стрелу быстрый взгляд, мысленно ругнулся: наконечник был не закреплен и остался в древесине. Отшвырнул древко в сторону и побежал дальше. Крики приблизились – еще бы, аборигены были здесь у себя дома, а я местности не знал и стремился оторваться от них наугад.

Неожиданно земля ушла у меня из-под ног. С криком пролетев метров семь, упал с обрыва в воду. Мне крупно повезло: на острый обломок ветки не наткнулся, о камни не разбился. В месте падения было достаточно глубоко. Оттолкнулся ногами от дна и всплыл на поверхность. Хватанул воздух ртом и попытался сориентироваться. Оказывается, я свалился с очень крутого, сильно заросшего берега широкой реки. Течение воды было быстрым и стремительным, кое-где виднелись водовороты и торчали камни. Плыть назад к берегу не имело смысла – там меня мгновенно утыкают стрелами, – то же самое произойдет, если попытаюсь уплыть по течению. Терять времени было нельзя, поэтому добрался до небольшого валуна, торчащего из воды, и спрятался за ним: хоть какая-то защита от стрел. Погрузился в воду почти полностью и стал наблюдать за берегом.

Была надежда, что аборигены меня просто не заметят или подумают, что я утонул. Как бы не так! Меня сразу обнаружили, в воду начали плюхаться стрелы. Дикари, размалеванные красной краской, чихать хотели на мои потуги замаскироваться. Огляделся. Было ясно, что когда эти товарищи, которые мне совсем не товарищи, успокоят дыхание и уймут дрожь в руках после длительной пробежки, они сразу же превратят меня в подушечку для иглок. Или в мертвого ежика, без оглядки променявшего беспросветное сухопутное существование на активный водный образ жизни. Нырнул и поплыл к другому валуну, так потихоньку и добрался до середины реки, рискуя в любой момент получить оперенную занозу в спину.

Дальше плыть было некуда, камни закончились, но и это дело: расстояние между мной и аборигенами увеличилось. С их маленькими луками, предназначенными для стрельбы на близкую дистанцию, достать меня стало затруднительно. Сами дикари в воду лезть не стремились, но активно меня обстреливали. Надеюсь, в реке не живут крокодилы. Подобрал одну стрелу и обнаружил, что у нее каменный наконечник. В общем-то вполне ожидаемо. В этот момент увидел роскошную корягу, проплывавшую мимо. Кому как, а мне она показалась прямо матерью родной. Зажал стрелу в зубах, поднырнул и вцепился в нее, вознося хвалу небесам и прочей вселенной.

Дикари взвыли от ярости, стрелы так и замелькали в воздухе, какой-то особо невзлюбивший меня товарищ даже копыта не пожалел. На всякий случай я спрятался совсем, оставив на поверхности воды только лицо. Потихоньку подгробал ногами, стараясь, чтобы коряга плыла посредине реки. Во-первых, тут стремнина. Во-вторых, другой, пологий берег реки представлял собой степь и там паслись какие-то животные. Может быть, они и не

паслись вовсе, а прикидывали, как мной пообедать. Вот уплыву подальше – там уже о суше мечтать буду.

Кровожадные дяденьки категорически не хотели отставать и следовали за мной по берегу, сыпя ругательствами. Кое-какие слова я понимал: разговаривали они на унике – универсальном языке – с таким акцентом, что у меня уши вяли. Но и это плюс – надеюсь, здесь и нормальные люди где-нибудь живут, этот факт поможет с ними договориться. Река начала сужаться, течение стало еще сильнее, по обоим берегам появились обрывистые скалы. Аборигены остановились и напоследок пожелали мне вступить с самим собой в противоестественный половой контакт. Отвечать не стал.

Впереди раздавался шум, очень похожий на рев водопада. Увидел примыкающую к скале полого уходящую в воду каменную плиту, отцепился от коряги и поплыл к ней. Выбрался на согретую солнышком поверхность и обессиленно упал на спину. Слишком много приключений выпало за этот день на мою долю. Провалился в беспокойную дрему.

Сектор Вегги, станция дальней разведки.

5038 стандартный год от Объединения.

Два месяца назад

– Встать! Смирно! – скомандовал судебный пристав.

Я с трудом поднялся на ноги. Мешали кандалы, да и две последних бессонных ночи хорошему самочувствию не способствовали. Посмотрел на трех судей Трибунала, их взгляды были абсолютно бесстрастны. Средний зачитал приговор:

– Заключение номер 2427-13/бис. Курсант военного училища, четвертого курса обучения, признается виновным в тройном предумышленном убийстве и нарушении воинской присяги. Приговаривается к стиранию личности и передается в распоряжение специального корпуса. Осужденный, что можешь сказать Трибуналу в свое оправдание? В соответствии с законом тебе предоставляется последнее слово.

– Что хочешь услышать? Где ты был, когда надо мной четыре года измывались? Мои рапорты о происходящем жене на ночь читал в качестве развлечения? Теперь вы, считая меня, четверых потеряли из-за своего слабоумия. Ты, который во всем виноват, что чувствуешь? Как я догадываюсь, тебе просто все равно! Оно и видно, только ты не льсти себе, просто так не отделаешься. Прежде чем вы меня схватили, я стационарный искин взломал. И информацию в СМИ скинул: кто-нибудь наверняка захочет пощипать военным перышки. Ты всего лишь майор из захолустного училища. Догадайся, кого назначат крайним? Помнится, на той неделе Генеральный штаб обещал журналистам все факты неуставных взаимоотношений в армии прекратить. А тут такой подарок!

Майор невозмутимо кивнул приставу, я затрясся от удара шокера, свалился на пол и потерял сознание.

Сектор Вегги, окрестности черной дыры, исследовательская станция.

5038 стандартный год от Объединения

Я стоял и тупо смотрел в стену. В последнее время все делал тупо, со стороны напоминал скорее серва, чем человека. Весь наш отряд смертников вел себя так же. Может быть, кому-нибудь из них тоже повезло, но они маскировались не хуже меня. Все дело в стирании личности – как-то приходилось мне читать, что примерно пять процентов осужденных частично сохраняли память после первой процедуры. Таких счастливицков

отслеживали и направляли на повторную экзекуцию, делая из них никому не нужных слюнявых идиотов. За примером далеко ходить не было необходимости. Сам видел, как это происходило. Тогда же и состоялся примечательный разговор, определивший мою дальнейшую судьбу. После того как меня и толпу преступников передали спецкорпусу, с нами долго не церемонились – обрили головы и засунули в мнемокодер. Дергаться не имело смысла: охрана не дремала. Дальше нашу разномастную банду согнали в большой зал, построили. Медик начал задавать каждому несколько обычных вопросов:

– Как зовут? Профессия? Где родился?

Все покорно отвечали – трудно противиться со сваренным вкрутую мозгом. Я и сам пребывал в каком-то тумане. Стирание было гениальным изобретением человечества, по крайней мере, меня так учили в интернате. Оно избавило человечество от тюрем и неблагонадежных элементов. Как сделать из преступника достойного члена общества, вдобавок полезного? Такого, который больше никогда не оступится? Конечно же уничтожить ему личность, но не всю – профессиональные навыки и положительные стороны характера следовало оставить. Добавляем небольшое психокодирование и получаем добродушнейшее существо, которое всегда ставило общественные интересы выше собственных желаний. Они просто не способны были навредить другим и трудились как пчелки.

К тому же они пользовались популярностью среди женского населения – таких подкаблучников было еще поискать, – а дети у них были абсолютно нормальными. Многие бизнес-леди сразу после процедуры покупали себе молодых красивых мужчин и парней, причем на абсолютно законных основаниях. Таким образом государство возмещало затраты. Все были счастливы, включая самих новоявленных верных семьянинов. Остальных сортировали по профессиям и отправляли работать на любое предприятие или фирму, приславших заявку и гарантировавших работникам прожиточный минимум. С женщинами было намного строже: захотел такую – будь любезен доказать свою благонадежность. Вдовцы и холостяки с неприятными чертами характера за ними в очередь стояли. Кто другой их причуды терпеть будет? Детей стиранию не подвергали вообще.

Ну да ладно. Медик не просто так вдоль строя прогуливался. Тем, кто что-то помнил о своей прошлой жизни, он лепил наклейку на грудь. После того как набралось несколько человек, их увели охранники. Понятно куда и зачем. Когда он дошел до меня, я сумел собраться и соврать ему, при этом не очень-то сильно отклонившись от правды. У меня в голове была сплошная путаница: какие-то отдельные клочки воспоминаний и событий, своего имени действительно не помнил, как и имен и лиц других людей. За то немногое, что осталось, цеплялся с отчаянием утопающего. Пусть мне казалось, что это все происходило давно и не со мной, – я знал, что это последние частички прежнего меня. Я не хочу умирать! Какая разница, что произойдет в дальнейшем с моим телом, если меня больше не будет? Поэтому я притворялся абсолютно послушной куклой и лгал, врал неумело и отчаянно.

Медик не поверил. Сверился с показаниями прибора и подозвал к себе начальника охраны.

– Этот помнит. Похоже, у нас появится еще один подметальщик улиц низшей категории.

– Тебе заняться нечем? – хмуро спросил начальник. – Делай что нужно.

– Ты премию получить хочешь? Ты его профессию посмотри. – Медик протянул планшет.

– Бессмыслица какая-то. Агент-пограничник. Что за специальность такая? И при чем здесь премия? Мы ее так и так получим.

– Обычную – безусловно. А вот та, что исследовательский отдел предлагает, мимо нас пролетит. У нас одного пилота в запрошенной группе не хватает. У него дополнительные специальности – пилот и техник, пусть и невысокого ранга. Согласно данным в сети его к разведке на диких планетах готовили: внедрение, ассимиляция и прочий маразм. Наши шефы очередной фокус выкинули – зачем им пограничники, когда любой эскадре такая планета на один зубок?

– Предлагаешь отдать в нынешнем состоянии? Сам знаешь – если он память хотя бы частично сохранил, это опасно. И нарушение нехилое. За такие шуточки нас самих в строй поставят.

– Не бойся, я справки навел. Набирают отряд пилотов-смертников, из пяти сотен вернулся только один. Помнишь, как яйцеголовые треть нашей галактики отхватили, да и в остальных частях, куда ни ткни, везде «дикие» человеческие планеты?

– Смутно, кто же эту древность изучать будет? Черные дыры, прокол пространства-времени. Клонирование. Корабли поколений.

– Именно! Но один факт малоизвестен – они и в галактику Андромеды корабли-сеятели посылали. Немного, всего пару сотен, но все же. Такого натворили, что мы до сегодняшнего дня объединение завершить не можем и со всеми ксеносами на ножах. Когда технологии Древних нашли, тогдашние бонзы чуть ли не богами себя вообразили. Как же – Великое Бремя Человечества! Только вот других спросить забыли – потому-то на границах до сих пор беспокойно: что ни год, то война. Диким все равно кого грабить – ксеносов или нас, поэтому обе стороны их и вооружают.

– И что с того? Над нами не каплет.

– Это пока. Ходят смутные слухи о человеческих королевствах в рукаве Персея. Они там всех режут под корень и в жертву своим богам приносят. Хорошо, что особо мощного оружия им не дали, хоть на это ума хватило. Дикари захватывают ученых, те им корабли сотнями штампуют. Прикинь, что будет, когда орда до наших границ доберется?

– Отобьемся, не в первый раз. Ты лучше про премию расскажи.

– Решили проверить, как дела в Андромеде обстоят. Закрепились там наши или нет? Это какую же поддержку можно даром получить! Но технологию прыжка потеряли во время Великой войны. Восстанавливают понемногу. Пуляют смертниками почем зря. Предполагают, что искины во время прокола из строя выходят, без пилота никак не обойтись. Один же сумел вернуться. Ведут набор, оплата по высшей категории.

– Почему нормальных военных не пошлют?

– Да кто же им даст? Ладно бы военная операция, без которой все пойдет насмарку, хочешь – не хочешь, солдатиков необходимо на смерть посылать. А тут они зря погибнут. Возможно, положительного результата никто и не увидит. За такое на счет «раз» с мнемокодером познакомишься. Если добровольцы и были, то ни один назад не прилетел, как и корабли-автоматы.

– Чего ты при нем разболтался?

– Он ведь тоже молчать будет и на все согласится. Правда? – Медик поглядел на меня.

– Да, – прошептал я. – Буду молчать.

– Вот видишь! Наша бригада с премией, а парень надежду получит. Мы же с тобой гуманисты! – Медик довольно мерзко хихикнул, вслед за тем обратился ко мне, указав направление рукой: – Ступай вон к той группе, через два часа отправка.

Вот так я и стал расходным материалом, стоял и ждал своей очереди. Торчал на этой

станции уже месяц. Обращались с нами неплохо – да и чего нас, пустоголовых, бояться? Кроме меня, конечно: была бы возможность – я зубами себе свободу выгрыз бы, но удачного случая как-то все не подворачивалось. Воспоминания в голове частично восстановились и пришли в относительный порядок. Странно было припоминать, например, какой-нибудь разговор в подробностях, но вместо лиц собеседников видеть только смутные пятна и напрасно терзать память в безуспешной попытке отыскать их имена. Вот такие пироги с котятами. Пробелы буквально поселились в моей голове. Но и тому, что было, я радовался как ребенок. С каждым прошедшим днем чувствовал себя все лучше и лучше, надеялся на скорую отставку хоть к черту на кулички, боялся проколоться на ровном месте.

Охраны было немного, впрочем, как и нас, они категорически не хотели запоминать наши номера: длинно и неудобно произносить. Всем дали клички. Меня называли Шустрым, потому что при объявлении очередного прыжка буквально на коленях ползал, умоляя послать меня послужить человечеству. Остальные поступали так же, но я всех опережал. Что есть, то есть.

Я этому человечеству за все хотел благодарность с занесением в репу и грудную клетку выписать. Желательно ногами и тупым ножиком. За то, что жил на свалке. За свое сиротство с пятилетнего возраста. За то, что, когда меня поймали во время облавы и определили в специнтернат, я с бандой таких же отморозков каждый день за кусок хлеба дрался. За мое принудительное определение в воинское училище, где моей верной шайки уже не было и я жил как волк-одиночка, в каждый момент ожидая удара в спину. За бесчисленные переломы и порезы, за отгрызенную мной же самому себе правую кисть, которую в расщелине ствола защемило, когда меня голого в джунглях на две недели кинули. И за дикую боль, когда ее в регенераторе в ускоренном режиме десять дней отращивали. Я честно признаюсь – люблю человечество до зубовного скрежета!

«Ах, какой солдат растет!» – восклицало мое начальство, придумывая, как меня лучше прикончить. «Ты нарвался!» – слышал я каждый день в казарме во время очередной «темной». Я быстро отучил остальных курсантов нападать на меня поодиночке. Если бы не недремлющее око камер, меня бы искалечили в первую неделю. Для этих чистеньких мальчишек и девочек я оставался отбросом со свалки. Сам бы себя убил, но у меня был единственный друг, имени которого так и не смог вспомнить. Мой наставник по боевой подготовке, мастер-выживальщик. Не знаю, по какой причине он обратил внимание на забитого мальчишку, но я был принят под его крылышко. Немногословный мужик неопределенного возраста, самой что ни на есть непримечательной внешности. Он за меня не заступался – нет, он учил меня убивать и выживать. Наверное, более благодарного ученика у него за всю жизнь не было. Он же посоветовал мне повысить успеваемость, я послушался и серьезно взялся за учебу. За что и был соответственно вознагражден. Через полгода учитель пристроил меня помощником техника, и я переселился из казармы в маленькую кладовку при центральном искине станции. Это тоже помогло мне выжить. Я старался не задерживаться в училище ни одной лишней минуты.

Вся моя жизнь совместно с человечеством как-то не складывалась. Тысячу раз себя спрашивал: почему мне так не везет? Другие нормально и без проблем живут... Но ответа не находил. Военная машина вцепилась в меня мертвой хваткой и не желала отпустить. Однажды я спросил об этом учителя. В ответ он осведомился:

– Что ты знаешь о человечестве и военных в частности?

Я немного подумал и сказал:

– Наверное, ничего. Кроме свалки, интерната и училища я больше нигде не бывал. Тому, что показывают в сети, не верю.

– И правильно делаешь. Оставим человечество в покое и поговорим о военных. Настоящих, а не тех, которых ты видишь каждый день, – они просто мясо, которое само об этом не знает. Воины – давно уже отдельная каста, половина из нас киборги.

Учитель сжал кулак, и из костяшек выскочили лезвия.

– Это так, просто игрушка. Настоящих изменений в моем организме запросто не покажешь. Если захочу, уничтожу население этой станции за час голыми руками. Взорву ее и удеру. Веришь?

– Да, – твердо ответил я.

– Кроме нас, человечеством правит каста Умников – те еще нелюди, как морально, так и внешне. Тела младенцев и головы в метр диаметром. Наши дети наследуют своим отцам. Но нужна свежая кровь – тогда присматривают таких кандидатов, как ты. Сумеешь выжить – станешь одним из нас.

– А если я не хочу?

– Тебе не оставят выбора, как не давали его раньше. Сбежать ты не сможешь. – Учитель щелкнул ногтем по моему следящему браслету.

– Ты присматриваешь за мной?

– Нет. Я давно отошел от дел. Сумел отпроситься на вольные хлеба – мне разрешили за прошлые заслуги. Твою жизнь делает невыносимой куратор этого сектора, кто-то из Умников. Решил, что в тебе есть потенциал Воина. Они, знаешь ли, очень редко ошибаются. В каждой казарме стоят ментоизлучатели, поддерживают в мясе боевой дух, заодно и ненависть к тебе внушается. Понятно?

– Да. Разве не опасно для тебя мне такое рассказывать?

– Он ничего мне не сделает. Прекрасно знает, что я и его прикончу, если захочу. Другие Воины мне мешать не станут. Мы с ними сотрудничаем, но периодически, когда они нюх теряют, головы им откручиваем. Такой вот у нас получается взаимовыгодный симбиоз на крови.

– Странно как-то.

– Нормально: они думают, мы защищаем. Яйцеголовые ученые предки нас для этого и вывели. Тебе твоя жизнь адом кажется, но настоящий ад – там, за границами нашего государства. Для тех мягоньких людей, которыми мы управляем, все кажется простым и понятным, но это не так. Мы уже со счета сбились, сколько раз были на грани уничтожения.

– Мне-то что делать?

– То же, что и раньше, – учись и выживай. Умник не отстанет, пока из тебя зверя из нержавеющей стали не отольет или пока сам не помрешь. И переиграть его не сумеешь, потому что он Умник, а ты даже не Воин. Возможно, лет через тридцать ты им станешь, потерпеть придется. Даже то, что ты теперь в общих чертах знаешь, как дела обстоят, тебе не поможет. Продолжай бороться – это твой единственный шанс. Иди, у меня скоро урок.

В первый раз, вспомнив этот разговор, я чуть было на охрану не бросился, с трудом сумел взять себя в руки. Получается, что и здесь я по воле Умника оказался? Вот незадача! Надеюсь, что в другой галактике им меня не достать, а там ищи свищи с попутным ветром. Лишь бы только на молекулы при прыжке не раскидало.

Репродуктор объявил:

– Шустрый, бегом в кабинет, живо!

Я молчком и быстро исполнил команду, оправдывая свое прозвище.

Протиснувшись в двери боком, я обнаружил собрание ученых светил станции. Председательствовал академик, он первым делом поинтересовался у меня:

– Готов пожертвовать жизнью для человечества?

Я выразил полный восторг, повизгивая от верноподданнических чувств. Жалел, что у меня нет хвоста, – я бы им повилял.

– Итак, коллеги, нашу программу закрывают: слишком дорого мы казначейству обходимся, а результата в обозримом будущем не предвидится.

Раздались возмущенные выкрики. Академик продолжил:

– Я тут с нашими инженерами подумал, как эту ситуацию переломить в нашу пользу. Времени у нас было мало, но мы сумели воплотить свою идею в металле. – Он указал на экран.

Там был изображен корабль необычного вида – крестообразный, с капелькой пилотской кабины на одном из концов.

– Вот! – с гордостью произнес садист от науки. – Одноразовый, дешевый, как духи подружки моего внука, модуль. Закидываем его в определенную точку, кабина отделяется и приземляется на планету. Двигатели только для торможения. Экономим на всем, оставляем корпус с необходимым минимумом. Самое дорогое устройство – нуль-передатчик.

– А как мы узнаем, есть ли там пригодная для жизни планета? – спросил один из ученых. – Мы приблизительно представляем сектор, куда предки направляли корабли, больше информации нет.

– Правильный вопрос, коллега, но для этого существуют архивы. Я обратился кое к кому из старых знакомых и получил результаты разведки около ста систем. Неизвестно, сколько они там еще нароют. Корабли-сеятели, обнаружив планету, пригодную для колонизации, автоматически сбрасывали ее координаты. Некоторые пакеты ретрансляторы сумели уловить. Искать старые записи – дело нудное и неблагодарное, но для нас крайне полезное. Предлагаю вынести на рассмотрение совета новую программу. Чтобы продвинуть ее дальше в правительство, нам нужен хотя бы единичный положительный результат. Наш молодой герой, – профессор кивнул на меня, – десантируется и оценит уровень цивилизации. Передатчик тоже одноразовый, но очень мощный, фактически после того, как он его включит, произойдет ядерный взрыв, вся энергия пойдет на усиление сигнала.

– Но разве это допустимо? – спросил кто-то из задних рядов. – Радиационная катастрофа на обитаемой, населенной планете?

– Если там есть развитая цивилизация, они и без взрыва обойдутся, энергопровод на этот случай предусмотрен. Дикарей не жалко: умрет несколько сотен тысяч от лучевой болезни – ну и что? Все равно для нашей цели они непригодны, в предстоящей войне помочь не смогут. Все согласны?

– Да! Поддерживаем!

– Для первого запуска мы выбрали этого юношу, как самого приспособленного. У него больше всего шансов передать нам информацию – все же бывший военный. Остальные – гражданские пилоты.

– А если он не захочет себя взрывать?

– Кто не захочет?! Стертый? – возмутился академик.

Затем он повернулся ко мне и спросил:

– Взорвешь ради блага человечества?

– Ага! – радостно ощерился я, пустив для пушного эффекта слюнку на подбородок.

– Вот видите, коллеги, побольше бы нам такой молодежи – и мы о проблеме ксеносов давно забыли бы!

Меня выгнали из кабинета. Я тупо застыл посреди коридора, стоял до тех пор, пока меня один из охранников в мою каморку не отправил. Он же выдал мне планшет и велел изучить инструкцию по самоуничтожению. Там не только это было написано, но и куча рекомендаций по оценке уровня цивилизации. Те, кто хотя бы в ближний космос не вышли, ученых не интересовали. Да и устаревшие на десяток тысячелетий данные о климате и животном мире тоже лишними не будут. Сначала я не понял, что не так с оценкой развития, но потом догадался: на диких планетах обычно существует множество государств аборигенов. Одни в космос летают, другие коз пасут, и это еще в лучшем случае. Многие мечтают о бифштексе из соседа.

Проблем с восприятием знаний у меня совсем не было, мозг после чистки был как у младенца, впитывал как губка. Я запоминал все с первого раза. Так как времени до старта оставалось порядочно, взломал стационарный искин. Не совсем так, конечно, просто они были одного производителя. Паролей сервисного обслуживания никто поменять не догадался. Зашел в базу ученых и хорошенько там покопался, читал все, что можно и что нельзя тоже. Налегал в основном на знания о неразвитых цивилизациях и их технологиях. Пригодится.

Если попаду к разумному виду, стоящему на более высокой ступени развития, – они, скорее всего, сигнала вызова посылать не станут. Меня просто разберут на части. Как же – инопланетный монстр! И не суть важно, что твоя ДНК на сто процентов совпадает с ДНК визитера. Люди – они все такие, любят поймать кого-либо и посмотреть, что у него внутри. Под тонким налетом цивилизованности сидит обыкновенная обезьяна, которая в любой момент готова вырваться на свободу и показать себя во всей красе. Мой жизненный опыт просто кричал об этом. Обычно самые умные оказываются внизу социальной пирамиды. В стае ум не нужен, а вот крепкие зубы и кулаки не помешают. На крайний случай – толстый кошелек и хитрость. Да и черт с ними, мне бы только на свободу вырваться, устроюсь как-нибудь. На дикой планете прожить можно и в незаселенной местности: было бы что поесть – остальное приложится. Строить планы пока рановато. Поэтому тупо просматривал страницы, запоминая и не пытаясь вникнуть в смысл текста. Метод быстрого сохранения в кратковременной памяти: читаем и повторяем про себя три раза. Обычный человек, таким образом, информацию на короткое время запоминает, я же просто впечатывал знания в свой мозг-промокашку.

К утру за мной пришли и отвели на летную палубу. Сохраняя бездумное выражение лица, я наблюдал, как пьяные техники зачищают кабину от всего полезного. Раз мне все равно помирать, то зачем скафандр, оружие и аварийный набор выживания, еда тоже ни к чему, а им закусывать нечем. Так сказал мне один из предприимчивых алкоголиков, обдавая меня запахом ядерного перегара. В другой ситуации ему было бы не до этого: он был бы очень занят, собирая свои зубы с пола. Пришлось промолчать, как это ни печально.

В итоге гордый покоритель соседней галактики отправился в путь во славу человеческой расы в одних рваных шортах, которыми его снабдила добрая душа. Комбинезон, оказывается, тоже был не нужен. Любовь к людям во мне достигла наивысшей точки. Я даже был рад, что

сел в кабину, – еще немного, и у меня бы точно крышу сорвало. Манипулятор выкинул мой кораблик наружу, модуль взял на буксир «Разгонщик».

Этот скоростной корабль должен был отправить меня в сторону черной дыры. Зацепив по краешку горизонт событий, где законы физики теряли свое значение, мой модуль прорывал ткань мироздания и вновь мгновенно появлялся в заданной точке в другой галактике. Удачливый пилот смог вернуться потому, что проделал подобный трюк и там. Повезло – после того как сгорел искин, он до момента истощения энергии наткнулся на черную дыру местного разлива. Мне такое в любом случае не грозило, так как прыжкового движка и тем более искина у меня не было. Тормозные двигатели не в счет.

На бумаге все выглядело гладко, но горизонт событий обошелся со мной весьма неласково. Да еще как! Меня растянуло вместе с модулем метра этак на три-четыре. Не так, как вытягиваешься, повиснув на турнике, – межатомное расстояние увеличилось. Гигантское притяжение черной дыры сыграло со мной злую шутку. Хуже всего было то, что я все прекрасно понимал и чувствовал себя как муха в янтаре. Прошу заметить – очень, очень длинная муха. Ослепительный синий свет, бывший мне в глаза сквозь крепко стиснутые веки, тоже радости не добавлял. Тороплюсь отметить – очень, очень короткий свет. Отсутствие законов пространства и времени – замечательная штука! Для тех, кто не попробовал этого удовольствия на себе.

Дальше началось веселье: меня растянуло до бесконечности, потом сжало в маленькую точку. Чему я безмерно обрадовался, так как мое тело и было этой самой точкой. Попытался сориентироваться по рисункам созвездий, намертво вбитых в мою память, но ничего знакомого не увидел. До сих пор не знаю – то ли ученые перемудрили, то ли «Разгонщик» перестарался, но я попал неизвестно куда. Затем свел близкое знакомство с «хвостом» планеты. Обычно планеты, где живут люди, имеют сильное магнитное поле, которое не только защищает поверхность от радиации светила, но и удерживает атмосферу. Планеты теряют очень мало молекул газа, но это происходит. С пыльным шлейфом кометы такое явление даже рядом не стояло – так, редкое облачко газа. Если, конечно, не врезаться в него на космической скорости. В этом случае эффект такой же, как будто въезжаешь на автомобиле в кирпичную стену. Ремни вырвало из креплений, я поцеловал пластик блистера. Мой модуль слепили из того, что было, поэтому данный факт меня не удивил. Обычно шея в таких случаях ломается, прежде чем рвутся ремни. Включил тормозные движки, с облегчением вздохнул, когда они заработали.

Поживу еще немного! Кое-как стабилизировав модуль, рассмотрел планету. Три материка и две маленьких луны. К тому же она, если можно так выразиться, лежала на боку. Угол наклона оси у нее равнялся девяноста градусам. О чем это мне говорит? Да о том, что на ней времен года нет. В каждом климатическом поясе одна и та же погода: либо круглый год лето на экваторе, либо вечная зима на полюсах. Пораскинув извилинами, решил приземлиться на самый большой материк поближе к океану. Во-первых, там прокормиться проще, во-вторых, люди любят воду. Выбрал пояс субтропиков: дождей немного больше, ползучих гадов поменьше, к тому же я всегда весну любил. Вечная весна – это здорово! Все цветет и пахнет! Наметил круг диаметром в пару сотен километров и направил модуль туда. Без искина точнее не прицелиться. Хорошо, что в космосе летаешь не так, как в атмосфере, тут и тормозных движков для смены курса хватает, если, конечно, у тебя приличный запас скорости есть. Хвост мне скорость заметно поубавил, но не так чтобы.

Гордым соколом я совершил пару витков вокруг планеты, высматривая свет городов на

ночной стороне, но ничего не увидел. Да и шут с ними, не до того мне. Отстыковался от модуля примерно там, где хотел, и ринулся вниз. На всякий случай закрыл глаза – может быть, и трусливо, но от меня больше ничего не зависело. Смотреть в глаза смерти, когда ты совсем бессилён, последнее занятие. Смысл? Одно сплошное расстройство! К тому же я и без зрения получал полный набор ощущений, пришлось заткнуть уши. Помогло мало: кости продолжали вибрировать вместе с кабиной пилота.

Так и кувыркался энное количество минут, показавшееся мне вечностью. Надеюсь, ученые помрут в муках в такой же отвратительной ситуации. Тут меня прижало огромной перегрузкой, и я отключился. Пришел в себя от тишины. Благодать! Так тихо, что слышно, как кровь пульсирует в жилах. Осторожно открыл глаза и огляделся. Судя по всему, кабина утонула в каком-то водоеме, веселенькие солнечные лучики пробивались сквозь толщу воды. Было неглубоко – метров пять, не больше.

«Водичка-то прохладная!» – констатировал я.

Вот черт! На дно кабины уже натекла маленькая лужица: кабина дала течь. Мама, роди меня обратно – только этого мне не хватало! Набрал воздуха в грудь и рванул рычаг отстрела блистера. Сработали пиропатроны, я вылетел на поверхность как пробка из бутылки. Небольшое озеро, до берега метров пятнадцать, расстояние небольшое.

Выбрался на берег в густом лесу. Что интересно, половина растений была с Земли-прародины, зелененькие такие, а вот вторая половина вообще ни на что раньше мной видимое не походила. Синеватого оттенка, колючая и противная. Попахивает весьма подозрительно. Похоже на то, что я вижу весьма редкий случай ассимиляции. Корабли-сеятели всегда перед пробуждением пассажиров терраформирование проводили, местные растения и живность, включая разумных, полностью зачищали. Если, конечно, население ответной плюхи не запускало. Тогда Сеятели отступали на заранее выбранные позиции, спрямляли линию фронта и перебазировались в соседнюю систему. Там все повторялось по новому кругу. До тех пор, пока маленьких и слабых не находили, которые сдачи дать не могли. Человечество рулит!

Стянув шорты, выжал воду и опять надел – быстрее высохнут. Здесь я и познакомился с аборигенами. Из кустов выскочил голый мужик, натертый красной краской, он попытался проткнуть меня копьем. Перехватил древко и потянул его на себя. Туземец конечно же его не выпустил и дернул копьё всей массой своего тела к себе. Этого-то я и добивался. В нужный миг просто отпустил древко. Дикарь, не ожидавший от меня такой подлости, шлепнулся на спину. Думал, что я за оружие сражаться буду, – обычное заблуждение вооруженного человека. Зачем мне эта палка, если удар пяткой в лоб работает не хуже? Как только я вознамерился подобрать копьё, мимо пролетели две стрелы. Стало не до размышлений, пришлось бежать в глубь лесной чащи.

Неизвестно где. Неизвестно когда. Судя по всему, утро

Проснулся от холода и голода – привычное для меня состояние. Вокруг стоял густой туман, поверхность каменной плиты покрылась росой. Похлебал водички из реки, умылся и сделал короткую разминку. Погонял кровь в мышцах: тело нужно держать в тонусе. Надеюсь, что от микробов не заболею: куча прививок, которую вогнали в меня в течение месяца, теоретически должна помочь. Без воды все равно не обойтись, так что выбор небольшой. Походил туда-сюда и нашел дыру в скале – вход в небольшой грот. В темноту лезть не стал – кто знает, что там? Расщелина или какой-нибудь опасный зверь? дождался рассвета,

подобрал стрелу и по-тихому пробрался внутрь.

Нормально! Могила, чтоб ее! Везет мне на покойников! На валуне, густо обмазанная смолой, сидела мумия, она смотрела на реку и соответственно на меня пустыми глазницами. У ее ног лежала кучка того, что некогда было небольшой корзиной. И что там? Грабить покойников мне раньше не приходилось, но надо же с чего-то начинать! Почему не с расхищения гробниц? Кто сказал, что нельзя? Почему-то во всех интересных приключенческих фильмах в галонете склепы на раз-два грабят все кому не лень, и чихать они хотели на уголовную ответственность! Зрители воздвигают их на пьедестал и шалеют от одного вида главных героев. Я тоже хочу стать идолом сценического искусства! С решительным видом раскидал кучку ногой. М-да... кумиром мне не бывать. Пять каменных лезвий, и ничего больше. Где изумруды, алмазы и золото с серебром? Нищий труп мне попался!

Грот осветило лучом света: солнышко полностью вышло из-за горизонта. Осмотрел стены: если аборигены сюда на лодках приплывали, то дело плохо, на скалы без риска получить травму мне не взобраться. Нашел выход – вторая дыра куда-то вела. Отлично! С интересом рассмотрел стены, испещренные рисунками охоты, бытовой жизнью и, гм... порнографией. Если вы никогда не видели мужского достоинства больше самого мужика, на котором в свою очередь сидят пять женщин, то вы ничего не видели. И женщины очень, гм... почтенно выглядели. Я как без пяти минут кандидат археологических наук вам говорю! Раскопки провел? Значит, кандидат!

Ладно, не будем смеяться. Настроение себе немного поднял – и хватит. Дело прежде всего! Присмотревшись к мумии внимательней, увидел у нее на поясе небольшой кошелек. Срезал его лезвием и нашел огниво: кусок кремня и что-то похожее на железный колчедан. Не геолог я ни разу. Искру получил стабильную – и то хорошо. Трут сгнил и превратился в пыль. Немного поколебавшись, отрезал у трупа просмоленную метровую косу. Возможно, это была женщина. Решил, что больше мне здесь делать нечего, прихватил найденные вещи и полез по узкому проходу наружу.

Первым делом пошел в подлесок: необходимо изготовить хоть какое-нибудь оружие. Нарезал прутьев разной толщины – как сухих, так и зеленых. Срезал подходящее засохшее деревце: будет копьем. Надрал коры и сухой травы. Собрал валежник на дрова. Нашел какие-то пушистые комки, похожие на тополиный пух. Устроился на маленькой полянке и сложил из хвороста шалашик. Потер кору между ладонями, добывая сухие волокна, смешал их с былинками травы и пуха, свернул в жгут. Полчаса мучений и две ссадины – костер горит! Похвалил себя за небывалый успех в деле возвращения к первобытному состоянию и взялся за изготовление копья. При этом занятии самое главное – не торопиться, лезвия очень хрупкие. Потихоньку-полегоньку ободрал кору и сделал на толстом конце будущего древка прорезь под самое большое лезвие. Аккуратно разогрел косу над огнем, когда смола размягчилась, полностью расплел ее. Перепачкался, ну да это ерунда.

Вставил самый большой наконечник в выемку, крепко примотал волосами. Не забыл добавить в смолу немного пепла: полное соответствие с древней технологией. Застынет – без огня не отдерешь. Также сделал нож, рукоять вырезал из палочки. Приступил к самому трудному – изготовлению лука. Без хорошо выдержанного в течение нескольких лет дерева, кажется, сделать его невозможно, но я знал один способ. Главное – правильно подобрать прутья. Стягиваем их в тонкий пучок волосами – не всю поверхность, а примерно через пять сантиметров. Обмотку делаем не тугую, но и не слабую, она не должна мешать изгибанию

тела лука. Очень тщательно выбираем центральный прут: на нем все держится, он должен быть в меру упругим и гибким. На концах прорезаем выемки под тетиву. Для такого случая пожертвовал резинки от шортов – пояс достаточно широкий, и их там было вшито две штуки. Заменяю завязками из волос, не спадают – да и ладно. Связал резинки между собой, на концах сделал петли. Изогнул лук, надел тетиву и дернул за нее пальцами, она загудела. Попробовал натяжение – норма. Долго это косорукое изделие не протянет, но на безрыбье и рак рыба. Итак, нож, копье и лук с одной стрелой. Пора идти на охоту. Берегитесь, неразумные зверушки: Шустрый вышел на тропу войны!

Приободрившись, пошлепал вдоль скал – рано или поздно они кончатся, и я найду водопой. Первое дело для устройства засады. Из моего лука дальше десяти метров стрелять бесполезно, но на таком расстоянии он косулю навывлет пробьет. Лишь бы там хищников крупнее меня не было.

С водопоем мне не повезло. Скалы и лес неожиданно закончились. Вышел к дороге, которая вела к броду через маленькую речушку, впадавшую в большую реку. Отличный проселок, разбитый колесами, наверное тележными, так как уж очень узкий след они оставляли. Жалко, что водопада так и не увидел, – через скалы к нему было не подобраться. Но нужно искать людей. Дорога есть – значит, где-то тут земледельцы живут. Кочевники в прокладке дорог замечены не были, да и местность, плавно перешедшая в лесостепь, к крестьянскому труду располагала. С одной стороны, это хорошо, но с другой – не очень. Там, где крестьяне водятся, обязательно появятся «лучшие» представители человечества, которые за девяносто процентов прибыли их «защищают».

Дорога идет вдоль речки, значит, деревня выше по течению. Пойду погляжу – как люди живут? Что с охотой выйдет, неизвестно, может быть, помогу кому за тарелочку супа. Помощники в нелегком крестьянском труде всегда нужны. Направился к дороге. Прошел по ней километра два и наткнулся на поле, огороженное плетнем. На нем росло что-то инопланетное, похожее на огромный полуметровой высоты салат. С одной стороны забор был повален, а растения сильно вытоптаны. Вот там-то я и заметил стайку обычных земных кроликов, которые мирно паслись, аппетитно хрустя зелеными листочками.

Спрятался за плетень, наложил стрелу на лук и стал к ним подкрадываться. Пока выбирался из леса, немного наловчился в стрельбе. Метров с пяти я вообще не промахивался, на такое расстояние и нужно подобраться. Ветер дул мне в лицо – они учуять меня не должны. Главное, чтобы зверьки не услышали шума. Встал на четвереньки и неторопливо двинулся вперед. Осторожно выглянул из-за последнего целого пролета. Запомнил, кто где находится. Выбрал мишенью самого большого ушастика. Успокоил дыхание, резко поднялся и спустил стрелу. Попал, подхватил копьё и наугад метнул его как бумеранг. Побежал к закувыркавшемуся по земле кролику, которому древко ударило по задней лапе. Упал на него, придавил, вытащил из кармана нож и воткнул ему в бок. Вот такой я кровожадный, с голоду не только за двумя зайцами погонишься, но и зубами станешь добычу грызть.

Рот у меня наполнился слюной, но я сдержался и сырьем употреблять кроликов не стал, хотя очень хотелось. Отошел в ближайшую рощицу, развел костер, благо самодельный трут носил в кармане. Пока костер прогорал в угли, ободрал тушки зверьков. Опыт в этом деле у меня имелся – все же учили меня хоть и изуверскими методами, но на славу.

Отплясывал вокруг костра, дожидаясь, пока мясо поджарится на прутиках. Не выдержал и первую партию жаркого съел, не дожидаясь полной готовности. Горячее сырым не бывает! Потом ел не торопясь, наслаждаясь каждым кусочком. Второго зверька жарить не стал: насадил мясо на гибкий прут и свернул его в кольцо – будет чем за ночлег расплатиться. Может быть, и на миску каши хватит. Дело у нас шло к вечеру, очень хотелось под крышей переночевать.

Пошел дальше. Ветер донес до меня запах чего-то горелого. Пожар в селении случился, что ли? Я не ошибся: от деревни остались одни головешки, сгорела она около недели назад. По крайней мере, пепелище выглядело так – явно не вчерашнее, но и не старое. Неужели сарая, даже самого плохонького, не осталось? Походил по деревне туда-сюда и на отшибе, за околицей нашел маленькую землянку, но пахло из нее так, что я передумал в ней ночевать. Рядом с землянкой стоял маленький дровяник с деревянной щепой на растопку. В нем и

устроился на ночлег, накидав туда веток, сухой травы. В общем, устроился с удобством. Часа через четыре пошел дождь, но мне было все равно. Крыша сарайчика была сделана на совесть и не протекала.

Утром, неторопливо поглощая зажаренного кролика, решил задержаться в деревне. Причин этому было несколько: первая – щепки, второе – еда с огородов. Наличие щепок предполагало, что здесь есть металлические изделия. Трудно полено рубить каменным топором, проще хвороста из леса принести. Враги, которые угнали жителей и скотину, наверняка чего-то найти не смогли. Мне торопиться некуда, я не я буду, если ухоронки не обнаружу.

В самой деревне было домов тридцать. Куча дворовых строений, некоторые уцелели и неплохо сохранились. Немного упорства – и что-нибудь мне попадет. Это не сложно, я с детства сильно упертым был.

Наверное, во мне русские корни говорили. Когда в интернат попал, я о своем младенчестве, как и о родителях, ничего не помнил. Воспитательница как-то проговорила: «Русские от передозировки умерли». Ее слова я запомнил. Когда нас начали учить и я получил доступ к галонету, первым делом поинтересовался: «Кто это такие?» Так вот русские – это люди, которые на Земле-прародительнице населяли архипелаг островов под названием Россия. Про них почти ничего не помнили. Хотя утверждали, что в земном секторе осталось несколько планет, где только они и живут. Человечество давно перестало делиться на расы и языки. Во всем виноват универсальный язык. В один прекрасный момент земные правительства договорились между собой и повсеместно его ввели. Сделали хитрый финт: старых языков не запрещали, но законодательно закрепили, что все новые фильмы, новости и прочее теперь выходили только на уника, обязательно с субтитрами.

Люди в возрасте на это внимания не обратили, все старики несколько консервативны, а молодежи деваться было некуда: хочешь – не хочешь, а выучишь. К тому же все быстро оценили его простоту и удобство. Слова очень незамысловатые и легко произносились. Уник подобрал в себя самые ходовые словечки из основных диалектов и широко распространился. Клоны, которыми заселяли новые планеты, других языков и не знали. Некоторые народы, и среди них русские, учили новый язык, но и своего не забывали. Они были очень странной нацией: по слухам, любили голые в обнимку с хищниками в снегу валяться, пили традиционный напиток – водку. Наверное, он был очень вкусным – из воды и чего-то там. Играли на однострунных музыкальных инструментах треугольной формы, с загадочным названием «автомат Калашникова». Много ли подростку было надо, чтобы причислить себя к такому замечательному народу? Поэтому когда на меня наезжала очередная шайка, на вопрос: «Ты кто такой?» – гордо выпятив впалую грудь и сжав кулаки, я отвечал: «Я русский!» – после чего обязательно добавлял одно из священных заклинаний предков, затем кидался в драку.

По тем же слухам, заклинания прибавляли русским сил во время схваток с врагом, они употребляли их к месту и не к месту, но история сохранила лишь несколько из них. Обычно упоминали черта, по неизвестной причине он не был русскому народу братом. Фигурировала и мать Кузьмы, которую почему-то постоянно всем показывали. Смысл этих выражений остался для меня покрыт мраком. Чувствуя себя продолжателем славных дел предков, я старательно выучил слова наизусть и очень гордился чистейшим выговором. Мне помогало: после того как я их произносил, страх у меня абсолютно пропадал. Предки умными были, зря упоминать матерей и прочих существ не стали бы.

Выплюнув последнюю косточку, запалил лучину, дыша исключительно ртом, полез в землянку. Причина отвратительного запаха нашлась быстро: на печи стоял горшок с каким-то скисшим варевом, я вытащил его наружу. Вылил жижу в сторонке и оставил посудину у дровяника – пригодится, после того как отмою. В землянке оставил открытой дверь и отверстие в крыше для дыма, там всего-то нужно было дощечку отодвинуть. К вечеру должно проветриться.

Прошелся по деревне, заглядывая во все углы, на первый раз особо не старался – прикидывал, что и как. Пытался догадаться – где бы я на месте хозяев тайник сделал? Но и так нашел ржавое, сточенное лезвие от ножа, оно было заткнуто в сарае за стропило. Видно, рачительный хозяин хотел отдать его на перековку, но забыл или не успел. От души порадовался находке, подточил ее о камушек, обвязал один из концов клочком ткани, найденным там же, – маленький ножик готов! Каменные лезвия тут же выбросил – зачем они мне теперь?

Стал обходить поселение по спирали. На опушке рощи наткнулся на два раздутых трупа. Они были полностью раздеты. Мне стало интересно – куда они бежали? Походил по лесу и нашел маленький схрон, но я не один такой умный был, его тоже разграбили. Единственно – подобрал пробитую флягу, сделанную из маленькой тыквы, – замажу дырку смолой, и все дела! Навестил огороды, надергал немного каких-то корнеплодов. Похоже, они тоже из местной флоры, отрезал ножом кусочек и попробовал – сладковатые и вкусные. Здесь много чего посажено было, но в основном все неспелое. За часок объел какой-то куст: уж очень ягодки мне понравились. Жить можно!

Взялся за дело всерьез. Поочередно и методично стал обшаривать подворья, все места, которые прежде мне показались подходящими для устройства тайников, раскапывал палкой. Лазил в подполья, не обращая внимания на то, что весь перемазался в золе. Проверил три колодца: два были отравлены, в них плавали трупы, один был нетронут.

Вечером, сидя у костра, с удовольствием рассматривал свою добычу: деревянное ведро, веревку с металлическим крюком, шесть огромных гвоздей, небольшой сверток узорчатой ткани. Молоток с каменным бойком, прочные шнурки, непонятно из чего свитые, годные на тетиву. Нитки, большую иглу. Глиняные кружки и ложки, походный медный котелок. Выделанную шкуру. Пять медных же треугольников с закругленными концами, испещренных растительным орнаментом. И самая ценная находка – полностью металлический боевой молот или секира: больно он на крохотную алебарду смахивал. Витая рукоять длиной сантиметров сорок, место хвата руки обтянуто шершавой кожей. Навершие в виде обоюдоострого лезвия, с одной стороны – полукруглое лезвие секиры, с хитрыми прорезями для ломки клинков, с другой – молот, из которого торчит четырехсантиметровый шип – доспехи пробивать. Очень удобно, обычно клевец в пластинах застревает, а тут не дает боек молота, украшенный трехгранными пирамидками. На лезвии была выгравирована надпись на унике: «Кусака».

Наверное, в деревне ветеран какой-нибудь жил, он им так дорожил, что от всех прятал. В расплавленный жир обмакнул, завернул в промасленную кожу, положил в ящик и в углу сарая на полметра закопал. Сам не знаю, чем этот угол мое внимание привлек. Скорее всего – чистотой: пол сарая донельзя загажен, а там ровное, гладкое место, да еще и свежими опилками посыпано. Перестарался старый воин с заботой о верном оружии. Надо было сверху ведро помоев вылить, тогда никто не догадался бы.

В том же ящике, смазанный маслом, лежал широкий, без всяких прикрас, пояс, к нему

намертво было пришито что-то вроде чехла для топора, полностью его скрывавшего, и поясная сумочка. Чехол имел секрет в виде вытяжного ремешка с колечком, тянешь за него – и Кусака наполовину высовывается. По-моему, не очень продуманная система с кучей недостатков. Топор лучше носить на плече или за поясом, иначе можешь не успеть его выхватить. Единственное, что может оправдать такое, – необходимость постоянных разъездов и отвратительные погодные условия. Как оружие от влаги ни береги, оно рано или поздно все равно в грязь упадет. А может, он моряк был? Тогда это имеет хоть какой-то смысл. Или я чего-то не понимаю? Взаялся за чехол всерьез. Это что у нас за уплотнение? Крючочек здесь зачем? Я с трудом оттянул его по прорези вниз, он лязгнул, вернувшись на место. Значит, тянем за ремешок, по ходу руки зацепляем крючок – внутри что-то щелкнуло, чехол несильно дернулся. Прыгающий топор? Я надел пояс и зарядил его. Вставил в чехол Кусаку и повторил процедуру. Щелк! Топор вылетел из чехла и чуть было наверху не проткнул мне плечо. Пока освою, калеккой запросто останусь!

Что-то я неправильно делаю. Задумался – а если так? Немного сместил положение чехла и пристроил руку чуть-чуть в другом положении. Щелк! Топорище скользнуло по ладони, и она уткнулась в упор. Выдал Кусакой серию ударов. Все равно ерунда получается! С этой штукой жить с детства нужно. Есть с ней и спать! Смысл-то не в почти мгновенном извлечении топора, а в последующем ударе. Не хочется мне тратить годы жизни на отработку единственного приема. Ладно, потаскаю пока так, как прежним хозяином задумано. Найду людей – попробую узнать, для чего это извращение нужно.

Целую неделю провел, нежась на солнышке и ночуя в землянке. Добыл еще двух кроликов, прежде чем пушистики просекли, что их здесь едят, и перестали появляться. Питался тем, что находил в огородах. Салат оказался калорийной штукой, я его в качестве припаса в дорогу насушил. И похлебку в горшке сварил: во всех видах он был очень даже ничего. Местные им не зря все поле засадили. Постоянно учился выхватывать топор из всех положений, вроде что-то стало получаться.

В общем, я по примеру кроликов пасся на огороде, когда увидел, что к ограде подъезжает «чудо в перьях». Причем в перьях в буквальном смысле слова. На огромной птице сидел парень примерно моего возраста, то есть лет шестнадцати. Он был одет в легкий кожаный доспех и держал в руках длинную пику. Надменный отрок поманил меня пальчиком. Я гордыни проявлять не стал и перелез через плетень на дорогу, хотя постарался сделать это на некотором расстоянии от наездника. Парень разразился короткой речью, которую я понял с пятого на десятое. Перевел ее примерно так: «Я благородный рыцарь с Кудыкиной горки, сверхчеловек с голубой кровью, а тут мне какая-то чернь не кланяется. Целуй сапог!»

Про сапог я понял дословно. Быстро огляделся. Так как вокруг больше никого не было видно, тут же всадил в птичку стрелу. Старый трюк, мне его еще учитель показывал. Держишь лук и одну стрелу в левой руке. Чуть что не так – делаешь одно слитное движение, пальцами правой руки берешь стрелу за хвостовик и накладываешь его на тетиву: натяжение, прицел, выстрел. На все про все уходит примерно секунда, с боевыми луками и на большой дистанции такие фокусы не прокатывают. Птица поймала стрелу грудью, растопырила огрызки крыльев и грохнулась на землю, сбросив седока. Пока он не очухался, я обежал бьющееся в агонии пернатое чудо и зарядил парню ногой по лицу.

Сам от себя не ожидал, что так поступлю. Скорее всего, мне даже недельный отдых не помог: как его физиономию увидел, так сразу всех «хороших» людей из своей жизни

вспомнил. И слова про целование обуви я раньше неоднократно слышал. В общем, конкретно меня переключило. Достал нож и примерился перерезать ему горло, остановила одна мысль: почему бы этому «красавцу» со мной содержимым своей головы не поделиться? Например, где его дружки находятся? И стоит ли кого ждать в гости? Связал ему руки за спиной и полил на лицо воды из фляги. Парень очнулся и начал угрожать мне карами небесными. Нож, воткнутый в плечо, быстро убедил его в необходимости послушания. Нагрузил на него лук и седельную сумку, подобрал пику, свое копье с каменным наконечником бросил рядом с птицей. Надеюсь, дружки подумают на дикарей. Стрела-то тоже оттуда. Скомандовал:

– Пошел! – и кивнул в сторону леса.

Гнал парня часа три, на любые жалобы немедленно наносил порез ножом. Не трогал только ног, а то бежать не сможет. Решил, что достаточно оторвался, и устроил получасовой привал. Когда пленник отдышался, заставил его бежать дальше. Еще через час наткнулся на небольшую полянку и приступил к вдумчивому допросу. Для начала стянул с него штаны и сапоги, чтобы он их в процессе не испачкал. К тому же в голые ягодицы удобно ножом тыкать. Потрошил его до вечера и все утро. Ночь провел, дремля вполглаза. Когда понял, что больше мне ничего от него не добиться, свернул ему шею. Жалости к парню я не испытывал – он, оказывается, меня прихлопнуть хотел и в городе продать.

Свел полученную информацию воедино.

Примерно восемь тысяч лет назад к этой планете прибыл корабль-сеятель – где она находится, парень не знал. Был корабль сильно поврежден и терраформирование провел вкривь и вкось. Клоны изначально оказались в невыгодном положении, были высажены на этом материке буквально без штанов. Знаний было много, а возможностей ноль. Голь – она на выдумки хитра, и примерно за тысячу лет они сумели возродить цивилизацию до паровых двигателей. И тут с орбиты грохнулся Сеятель, прямо в центр материка, а учитывая, что он был километров так десять в диаметре и у него рванули двигатели, на планете наступил полный апокалипсис. Вдобавок проснулись вулканы. Выжившие сбежали на другие материки, но это помогло мало – от человечества осталась буквально горстка в несколько тысяч человек.

Жили они в какой-то системе пещер, разводили грибы и ловили рыбу в подземных озерах. Употребляли в пищу всякую гадость – мох и насекомых. На суше кроме растений и небольших животных никто не выжил. В море дела обстояли намного лучше. Люди иногда делали вылазки наружу и охотились, но это было как лотерея: налетит радиоактивный ветерок – и помрешь в муках. Лет этак через пятьсот катаклизмы прекратились, и атмосфера очистилась. Народ воспрянул духом и разлетелся в разные стороны, плодиться и размножаться. Вывод сделал на основании сказок и мифов – там все звучало совсем по-другому. Кара небес и все такое. Сеятеля вообще Небесным отцом звали, видите ли, он сильно разгневался и присел в наказание прямо на неразумных чад.

Дальше было интересней: объявился родной сын Небесного отца, по прозвищу Кудесник. По всем признакам, он был последним выжившим членом экипажа Сеятеля, очнулся от гибернации и начал всех благостью наделять. Почему так думаю? Да очень просто: он в железном замке по миру летал и чудеса творил. Первым делом сжег из бластера неугодных, в местной транскрипции – неугасимый огонь, нахватал себе красивых девушек и стал властвовать. Его династию, правившую пять тысяч лет, хорошо помнили и называли это время Золотым веком.

Чего там было такого хорошего, я так и не понял. Было только одно, за что Кудесника

можно было похвалить: гениальная инженерия. Он всяких полезных зверей и растений вывел великое множество, например, ту птичку, на которой парень ехал. Но и монстров создавать не чурался. Любил смотреть, как они людей кушают, поголовье снижал. Само человечество застыло в эпохе средневековья – насильно, ясное дело. Где-то лет семьсот назад железный замок упал в море – то ли сломалось что-то, то ли последний наследник наркоты пережрал.

В его гибель никто не поверил, все продолжали сидеть тихо, как мышь под веником. Вдруг вернется? Но аристократы, которые не были умом обижены, на религиозные запреты внимания мало обращали и кое-где старые книги почитывали – их иногда выкапывали в развалинах. То тут, то там начало появляться примитивное огнестрельное оружие: пушки, бомбарды и пищали всякие. В общем, демон войны вырвался на свободу. Образовалась куча новых королевств и одна большая Империя, которую все так и звали с большой буквы. На ее территории я как раз и находился. Все было намного сложнее, но пленник мне попался тупой, как пробка, что не так удивительно, учитывая его образ жизни.

Мелкий аристократ, его титул я перевел для себя как виконт. Когда ему было примерно семь лет, он потерял во время морового поветрия всю семью. Остался в ветхом замке вдвоем со старым слугой, ну и крестьян где-то человек восемьдесят выжило. Старик служил еще его родителям и из сил выбивался, чтобы молодого господина на ноги поставить, но не в коня корм. Заматеревший недоросль поехал в город учиться – в университет. Там он быстренько связался с плохой компанией. Наделал долгов, и его благополучно выгнали. Вернулся в деревню и начал продавать людей кредиторам. Слугу, сказавшего слово против хозяина, просто зарезал. В итоге остался гол как сокол. Ни земли, ни замка. Нашел выход из положения и завербовался в армию Империи. Туда-то он и ехал, когда на меня наткнулся. Сам он был родом из соседнего горного королевства.

Едет, значит, себе, видит сгоревшую деревню и выжившего крестьянина, который травку на огороде кушает. Вид у меня еще тот. Моего лука он не испугался: такого убожества никогда раньше не видел. Да и копыце серьезного впечатления не производило. Чем не добыча? Про дикарей он много чего порассказал. Оказывается, тут имеется огромный лес, там эти людоеды и живут. Железо у них есть, но очень мало. Только то, что в набегах сумели взять. Деревню, скорее всего, они и сожгли, часто так делали. Выковырять их никто не мог, хотя частенько пытались. Лес треть материка занимал – то-то я с орбиты видел, что земля будто зеленой краской измазана.

Ободрал труп до нитки и ушел. Наткнулся на другую полянку, построил шалаш, развел костер и задумался: «Что дальше?» Очень заманчиво было себя за этого парня выдать: рост одинаковый, цвет волос и глаз тоже. В разных государствах все на уникале говорили, но бешеному акценту никто не удивлялся. Некоторых чужестранцев вообще мало понимали. Язык на месте не стоит, он постоянно изменяется. Снова в армию? Кто угодно, но только не я! Сбежать из одной, чтобы в другую попасть? Ищите дураков в другом месте! К тому же я на птичках ездить не умею. Огромный минус для дворянина. Выучусь со временем, но это когда будет!

Порылся в сумке и нашел конверт с бумагами. Начал читать: полностью парня звали – Текс Скинт, виконт Излучины. Так его бывшее поместье называлось. Род захудалый и не очень древний, всего-то пять поколений предков. Запомнил их имена на всякий случай. Второй бумагой оказался контракт на три года, пограничная крепость Заречье. Прибыть к месту службы, в пересчете на общее время, следовало в течение месяца. Текс мне рассказал, что срок через две десятины. Они тут вместо недели декаду использовали. Год – триста

пятьдесят дней, сутки двадцать шесть часов. Месяцев не было. Считали декады, просто называли порядковый номер. Крестьяне на это чихать хотели, они от посева до урожая жили. Только аристократы такими вещами интересовались, да и то не все. Тексу тоже было все равно, и точной даты я так и не узнал.

Решил в деревню вернуться – вещички забрать, а потом в ближайший город двинуть. Денег у Текса почти не было, всего несколько серебряшек. Те самые непонятные треугольники с орнаментом монетами оказались.

Переночевал в шалаше, надел на себя одежду и доспехи Текса, пошел назад. В землянке провел еще сутки, стирался и готовился. Хлам выкинул, взял только необходимые вещи: котелок, ложку, кружку, флягу, иголку с ниткой и отрез ткани. Корешков и сушеного салата в сумку накидал. Пику укоротил. Кроме нее, кинжала и столового ножика у Текса ничего не было. Из меня вышел легкий пехотинец. Щита, правда, не хватало.

Закинул переметную суму на плечо и отправился в путь.

До города добирался шестеро суток, ночевал в поле, деньги берег. Периодически меня подвозили крестьяне, коротко спрашивали:

– Наемник?

И когда я кивал, приглашали на облучок. В основном мне попадались немногословные мужики угрюмого вида, одетые в обноски. Жизнь, судя по всему, крестьян не баловала. Отчаявшись подбить их на откровенность, так как на все вопросы я получал короткие односложные ответы, применил к ним изуверский метод допроса. Поинтересовался видом на урожай и налогами. Правда, сам об этом пожалел: меня буквально затопило информацией, оставалось только поддакивать в нужных местах. Яйценоскость домашней скотины снилась мне по ночам. Я кряхтел, но терпел. Сам виноват: хочешь узнать о мире вокруг – будь любезен стиснуть зубы. Мужиков можно было понять, они говорили о том, что кипело в душе. О таком с родней не побеседуешь, те и сами все знают. Старосте, что ли, станешь на судьбину нелегкую жаловаться? А я – так, случайный попугачик, которого в жизни больше никогда не увидишь.

Приноровившись, я иногда умудрялся вставлять вопросы. Много узнал про ездовых птичек, назывались они «перками». Звук такой издавали, когда перед самками красовались. Узнал все об их повадках – глупыми они были до невозможности, но абсолютно бесстрашными. Под седлом ходили одни петухи, для них радостью было с кем-нибудь подраться. На ногах у них были шпоры и один огромный коготь, еще они клевались. Человека могли за минуту на ломтики покровсать, но никогда этого не делали. Даже на вражеских воинов не нападали. Думается мне, тут без Кудесника не обошлось. Своих петушков, с которыми они вместе жили, как-то терпели, к другим их было лучше не подпускать и не оставлять без присмотра. Когда птичья кавалерия сходилась на поле боя, получался огромный клубок из перьев, людей и перков.

Крестьяне их почти не держали, кроме как на продажу: едят много, в телегу не запряжешь. Верхом на них по ровной местности ездить было одно удовольствие, ход у них был ровным. До тех пор, пока они через препятствия прыгать не начинали, – на этот случай даже самые опытные наездники себя к седлам привязывали.

Сами земледельцы и прочее мирное население предпочитали шестиногих бемсов. Кстати сказать, они и везли телеги, на которых меня подбрасывали. Невеликих габаритов, очень сильные животные, выносливые и неприхотливые, к тому же всеядные. Мечта фермера, одним словом. Разнообразие домашней скотины просто зашкаливало – не пород, а именно видов. Вплоть до того, что если тебе была нужна меховая шапка, ты покупал детеныша и выращивал его, шкурка была практически готовым головным убором. В империи этим занимались государственные питомники, сами крестьяне больше трех-четырёх видов живности не держали – мороки много.

Ходили упорные слухи, что Кудесник кое-какими технологиями поделился, за большие деньги можно было заказать себе любое животное с заданными параметрами. Один из крестьян клялся Небесным отцом, что сам как-то дракона под седлом видел, он куда-то неторопливо летел. Отягощенный знаниями и чувствуя себя как минимум агрономом и сборщиком налогов в одном лице, я с облегчением распрощался с последним возницей и направился к городским воротам.

Стражников прошел без проблем, уплатил медяк, представился наемником Шустрым, который ищет ночлега. Меня оглядели, заглянули в суму и милостиво разрешили заходить. Иронические взгляды, направленные на чехол с топором, мне не понравились, но я промолчал. Нашел трактир, пока снимал комнату на ночь и договаривался насчет ужина и завтрака, послужил причиной тихих смешков со стороны посетителей, опять же из-за топора. Окинув посетителей грозным взглядом и не дождавшись явных насмешек, гордо удалился в комнату. Оставил в сумке ткань, документы и деньги, бросил остальные вещички вместе с копьём. Спросил у трактирщика дорогу и направился на базар.

Город мне понравился, улицы были кривыми и узкими, но ожидаемых неприятных запахов не было, как и нечистот, выливаемых на головы прохожим. Для вывоза мусора применялись большие бочки на телегах, я такой агрегат в одном переулке увидел. Крытая сточная канава посредине улицы тоже наличествовала. Наткнулся на небольшое заведение с изображением книги на вывеске. От попутчиков я знал, что это лавка мудрых советов, как бы глупо такое название ни звучало.

Смысл такой. Народ в основном неграмотным был и безденежным, книги дорого стоили. Сидел в лавке всеми уважаемый старик, с одним или двумя учениками. Человек, начитанный до невозможности, поистине академических знаний. Вот за монетку он тебе письмо прочитает и слухами поделится, к мудрости предков обратится, и как больного ребенка выходить, тоже подскажет. Чтобы таким стать, он полжизни учился. Государство строго за ними следило, факты мошенничества жестоко пресекало. К таким старичкам незазорно было купчине и последнему крестьянину зайти. Такой вот штатный мудрец на государственной дотации. Потому как на советах сильно не наживешься. Говорят, к этому обычаю лично Кудесник руку приложил.

Я смело зашел в лавку и осмотрелся. Полки с книгами, посредине стоит круглый стол со стульями. Мальчишка, сметавший пыль, пригласил меня присесть и привел под локоток пожилого мужчину. После взаимных приветствий он на практически правильном унике спросил:

– Что привело тебя сюда?

– Хотел узнать про свой топор, а то народ на меня косится, – может быть, спрятать его от греха подальше? – Я выложил на стол Кусаку.

Старик прикинул топор на вес, рассмотрел надпись, хмыкнул и вытащил увеличительное стекло.

– Откуда он у тебя?

– В сгоревшей деревне на окраине Великого леса нашел, – не стал я врать. – Спрятали надежнее, чем деньги.

– Да уж. – Старичок вернул мне Кусаку. – Не думал, что на старости лет один из прыгающих топоров увижу. Что знаешь о легионе «Мертвая голова?»

– Небылицы какие-то, но ничего конкретного.

– Это не сказки, он действительно существовал. Служил лично Кудеснику. Топорами, которые после броска всегда к воину возвращаются, он их снабдил. Некоторые, по слухам, с хозяевами разговаривали. Только вот в руках случайного человека они работать отказываются, обычное очень хорошее оружие. Как они людей различают – неизвестно. Хочешь попробовать узнать, будет он тебе служить или нет?

– Да.

– Прошу не расстраиваться, если ничего не выйдет, получается редко у кого. Последний

случай лет сто пятьдесят тому назад был зафиксирован. У нашего благословенного императора штук сто таких топоров имеется. Он через них все войско прогнал, но результата не добился. Смотри сюда.

Старичок подковырнул завиток узора.

– Видишь вот эту выемку? Капни в нее каплю своей крови и жди несколько дней. Топор носи не снимая.

– И что потом?

– Он либо проснется, либо нет. У тебя в любом случае отличное оружие останется.

– А почему горожане смеются? Крестьяне на топор внимания не обращали – что они, сказок не знают?

– Десятину назад приехал в город один молодой человек. Загулял. На рынке начал к людям цепляться, кого-то там ограбил, девиц позорил, юбки им задирает. Стража его окружила, вдобавок мужчины с дубьем собрались. Он как закричит: «У меня прыгающий топор, сейчас я вас на куски порублю!» – хватить за колечко – и ничего, пружина ослабла, – старичок захихикал. – Он за него дергал, пока народ от смеха животы не надорвал.

– И что с ним дальше стало?

– Ничего, висит на солнышке, сушится. Топор обыкновенной подделкой оказался, металл отвратительного качества. Город у нас патриархальный, тихий, новостей мало – а тут такое событие! Кумушки до сих пор обсуждают.

– Ясно. Не могли бы вы мне небольшую лекцию по законам империи провести? Я человек новый, из соседнего королевства. Не хотелось бы в затруднительную ситуацию попасть.

Старичок выдал получасовую нотацию: сюда ходи, туда не надо, а вот об этом даже и думать не смей. Оплатив услугу серебрушкой, я продолжил свой путь. Шел и думал. Прыгающий топор не такая уж и волшебная вещь, как местные думают. Встроенный антигравитатор. Раз заряжать не нужно, но снимать нельзя, наверняка он от движений владельца энергию получает. И искин невысокого класса есть, отсюда и разговоры с хозяином. ДНК-анализатор, поэтому он не всякому подчиняется. Кудесник, судя по всему, не только животных создавал, но и евгеникой занимался, женщины почти все красавицы. Сбил генетический код в нужную сторону. Учитывая, что топоры на изначальные хромосомы настроены, – вот тебе и результат. Вариантов множество, но чувствуется мне, я с его поделками еще не раз столкнусь. Нагадил он местным знатно, без этого властолюбца они давно бы в космос летали, а не крепостных умучивали.

На базаре нашел ряд с тканями. Стал прицениваться примерно к таким же, как мой отрез, боялся с ценой прогадать. Третий по счету торговец окинул меня взглядом и насмешливо спросил:

– Ты все равно не покупаешь, сам продать хочешь?

– Есть такое дело, – ответил я.

– Показывай! – Он ощупал мою ткань. – Хорошая нитка, не гнилая, узор для женских платков в самый раз. Штуки три выйдет. Дам десять серебрушек. По рукам?

– Давай. Не обманываешь?

– Есть немного. Ты же наемник, а не купец. Тебя кинуть чуть-чуть даже нужно, или ты ее за свои деньги купил? – заржал он.

– Гони монету – и пойду я.

Получив расчет, купил горячий пирог и направился в трактир.

– Стоять! – скомандовал кто-то позади меня.

Обернувшись, увидел пятерку стражников и того самого торговца.

– Вот он, господа стражники. Держите разбойника! Это точно он!

Я поднял в примирительном жесте руки и спросил:

– В чем дело?

– В том, что сейчас ты сдашь оружие и пойдешь с нами к судье. Иначе!.. – Стража угрожающе склонила копья.

Мысли заскакали у меня в голове: «Вот попал на ровном месте! Что делать? К судье, как же! Из каталажки я его через год увижу, не раньше! Что мне там старик про законы рассказывал?»

– К судье пойду, но оружие сдавать отказываюсь! С каких это пор верных воинов нашего обожаемого императора стража по любому обвинению в тюрьму тащит? Я пограничник, и судить меня только военный трибунал может, у меня и бумаги есть!

– Ты хорошо подумал? Наш судья на первый раз за разбой тебя на каторгу отправит, в трибунале тебе просто голову отрубят, они там считают, что воины должны народ защищать, а не преступления совершать.

– Хватит меня пугать! Я не разбойник и никого не грабил! Уж точно не этого уважаемого торговца! Пусть судья разбирается, в застенок не пойду, буду драться!

– Прыгающим топором? – Стражники засмеялись.

– Да хоть бы и им! – Я дернул за кольцо, и Кусака выскочил мне в руку. – Ведите к судье!

Стражники переглянулись:

– Хорошо, служивый, спрячь железку, пошли к судье, но если ты нас обманул, мы тебе все ребра пересчитаем!

– Обманывать не собираюсь! Скажите, в чем меня обвиняют?

– Чтобы ты отговорку успел придумать? Просил судью? Там все и узнаешь!

Я спрятал топор и по указаниям стражников пошел в центр города. Они меня окружили, копий не убрали, так и держали их всю дорогу направленными в мою сторону. Тертые калачи, от таких конвойных не убежишь! Пришли мы на городскую площадь, там как раз суд шел. Судья разбирался с должниками и всякими бродягами. Стражники пошептались с распорядителем. Меня выпихнули вперед без очереди. Торговец начал ябедничать:

– Ваша справедливость! Сегодня я, как всегда, торговал на базаре, когда вот этот молодой человек продал мне ткань. Я внимательно осмотрел ее и обнаружил на ней свою метку: вышитый красной ниткой крестик. Такими значками я все отрезки ткани пометил, которые в соседний город на продажу в караване везли. Как вам известно, он пропал на краю Великого леса три десятины назад. Утверждаю, что даже если парень и не грабил сам, то у разбойников ткань купил! На дыбу его – и все узнать!

– Ты лжец! – заорал я. – Я тебя сейчас самого подвешу! Быстрый какой! Ничего, что меня там не было?!

Вмешался судья:

– Я смотрю, у нас тут еще один любитель топоров появился. Любой выкрик без моего разрешения – и я прикажу тебе плетей всыпать за неуважение к высокому суду. Что скажешь в свое оправдание?

– Простите, ваша справедливость! Я только сейчас понял, чем смогу обелить свое имя. Если вы посмотрите на дату, поставленную на моем воинском контракте, то увидите, что три десятины назад я находился в другом королевстве! Я не сын Небесного творца и по воздуху

летать не умею! Ткань нашел в тайнике в сгоревшем поселении. Если этот человек меня обвиняет, то пусть сначала мою вину докажет! Любой из людей мог купить эту ткань, не зная о том, что она украдена. Это что, предполагает повешенье на дыбе? Раз я никого не грабил, – я протянул документы судье, – то и вины моей здесь нет. Даже если бы я действительно сделал покупку, зная о том, что вещь краденая. Меня принудительно рекрутировали бы в армию, где и так буду пребывать три года, защищая границы империи! Или подвергли бы большому штрафу. Говорю сразу, денег у меня нет! Рассчитываю и полагаюсь на торжество закона и справедливости! Хоть сейчас по памяти могу указать на плане поселения каждое место, где раскапывал землю в поисках ухоронок, это подтвердит мои слова.

– Ты что, серьезно думаешь, что страже больше нечего делать, как искать подтверждения бредням нищего бродяги? – нахмурился судья.

– Насчет бродяг я согласен, ваша справедливость, но с дворянином на службе его императорского величества придется постараться!

– То есть ты предлагаешь послать запрос императорскому вербовщику? Направить отряд стражи проверить дырки в земле? И все это на деньги жителей нашего славного города, которые честно платят налоги?

– Не обязательно, ваша справедливость. Задайтесь вопросом: зачем купцу метить свой товар, который увозят в другой город? Он ведь больше никогда его не увидит. Зачем преступнику, который, заведомо зная, из какого города караван, сбывать награбленное добро в том же месте с риском быть пойманным? Крестик красной ниткой можно вышить за несколько движений руки. Торговец при мне тщательно осмотрел ткань, но почему-то стражи звать не стал. В конце концов, почему всегда верят тому, кто громче всех кричит «держи вора»? Я уверен, что твоя проницательность позволит получить правильные ответы на эти вопросы. Давайте спросим наших доблестных стражников: не было ли подобных случаев раньше? Закон позволяет им проводить мелкие разбирательства на месте, если стороны придут к соглашению. Сдается мне, ваша справедливость, что тебе кто-то нагло врёт в глаза, не испытывая ни капли уважения.

Судья побагровел, хлопнул ладонью по столу и уставился на стражу, те замялись под его взглядом.

– И даже не вздумайте мне лгать! Было такое?

– Один раз, кинжал с меткой.

– И что?

– Приезжий откупился.

– Вы, двое, возьмите торгаша – и к палачу его! – прорычал судья. – К вечеру я хочу знать все! Вы, трое, возьмете пограничника под арест!

– Меня-то за что? – возмутился я.

– Судя по документам, ты сирота. Мне не нравятся те, кто строит из себя умников, особо я ненавижу сироток с наглыми физиономиями. Утверждаешь, что империи служишь? Утром прибудет отряд рекрутов, они как раз в пограничную крепость Заречье направляются. Вот тебя им конвой и передаст! Переночуешь в тюрьме. Уведите воина империи! Обеспечьте ему апартаменты!

Мне врезали древком копья по спине, и я побрел в тюрьму: «Вот неудача – вляпался по самое не могу!»

Увидев свою камеру, начал вслух выражать свое недовольство. Какая-то маленькая заплеванная комнатуха в подвале, даже топчана заваливающего нет. Тюремщик немного меня послушал и спросил у стражников:

– Кто такой?

– Вояка залетный, вздумал судье указывать, как ему дела вести. До утра у тебя посидит.

– Зачем? Всыпать ему плетей и пинка под зад. Мне работы меньше.

– Судья сильно огорчился, ты же его знаешь. Сказал – ночь в тюрьме. У тебя камеры еще похуже не найдется? Достал уже этот воин своими воплями! Пограничник недоношенный! Барышня кисейная!

Я заволновался:

– А кормить будут? И дайте хоть каких-нибудь тряпок, на пол кинуть!

– Видал? – спросил стражник тюремщика. – И так всю дорогу! Если бы не в Заречье отправляли, я бы этому благородному все потроха отбил. Но там щенка и так быстро прикончат, мне его даже немного жаль. Пошли, ребята!

– Да подождите вы! – сказал я. – У меня в трактире ужин и завтрак оплачены. Сходите и заберите, вино вам, а еду – мы с охранником поделим. Если трактирщик заартачится, вы ему скажите, что вещи мои забрать нужно и обыск в номере важного государственного преступника сейчас проведете. Обыск такое дело – при нем всегда мебель ломается и тюфяки вспарываются.

– Как, говоришь, тебя кличут? – спросил тюремщик.

– Шустрый.

– Соображаешь! Может быть, и не убьют тебя сразу. Идите, ребята, по кружке вина и паре монет на нос вам не помешают. Шустрый, пошли со мной, охапку сена выдам.

Часа через четыре тюремщик позвал меня к себе в комнату охраны на ужин. Стол был буквально завален немудреной едой. Я спросил:

– Откуда столько?

– В городе прошли повальные обыски! – хохотнул тюремщик. – Поймали трех воров, ну и себя не забыли. Те, у кого криминальных элементов не оказалось, очень за свою мебель переживали.

– Нельзя так делать! Вот если бы трактирщик оплаченную еду отдавать не захотел, тогда другое дело.

– Да что ты понимаешь, щенок! Садись ешь или голодным в камеру возвращайся!

Я вздохнул, присел к столу и начал метать в себя все, до чего смог дотянуться.

– Торгашей давно было пора потрясти, жалованье уже полгода не получаем.

– Они-то здесь при чем? – с набитым ртом, невнятно спросил я.

– Мы вольный город, деньги нам магистрат платит. Догадайся, кто в нем заседает? У нас вместо звезд золотые в небе сияют. И вместо закона мешок с монетами стоит! Ты вообще что здесь делаешь, если ни в чем не виноват?

– Ну... Судья сказал.

– Вот именно: сказал! Торгаша он тоже на дыбу подвесить приказал, только тот уже спокойно на рынке торгует! При таком раскладе мы уже давно о каком-нибудь благородном аристократе мечтаем. Одного прокормить проще. А давай к нам, парень? Бароном тебя

сделаем. Будешь как сыр в масле кататься!

Я подавился куском и закашлялся. Тюремщик заботливо похлопал меня по спине и плеснул в кружку вина.

– Шутишь, что ли?

– Какие могут быть розыгрыши! Поговорим с народом и пойдем всем городом к тебе в вассалы. Содержание назначим хорошее, можешь не сомневаться.

– Точно шутишь! – усмехнулся я.

– Вот ты вроде умный, но совсем дурак. Раз предлагаю, то и причины этому есть, и не мечтай, что город тебе легко достанется. Думать об этом пока рано, сначала полгода отслужи. Мудрец наш для тебя документы приготовил: выписки из законов, прецеденты и прочую заумь. Конверт я тебе в сумку сунул. Придешь в крепость – почитай на досуге. В дороге тебе некогда будет.

– Почему?

– Ты что про Заречье знаешь?

– Пограничная крепость.

Тюремщик заржал:

– А заграничную не хочешь? Она единственная за рекой стоит, по которой граница проходит. Где-то лет тому пятьдесят столичные стратеги форпост решили поставить. Все Великий лес захватить мечтали, там ценной древесины немерено. На любой вкус и цвет, только рубить успевай. Вот и рубят с тех пор, но не деревья, а головы неудачников, что туда служить попали. Каждые три десятины свежий отряд гонят, назад немного калек возвращается. Того, кто целым весь срок отбыл, – ни разу не видел.

– Почему гарнизон не уберут, если толку от него нет?

– Легионеров в узде держать нужно, отчаянных ребят каторгой не запугать. Когда кто-то оконфузился, его для начала из столицы и крупных городов поближе к границе гонят. Попался второй раз – получается, что дальше ссылать уже некуда. Остается: Заречье, Загорье и Поморье. От названий этих трех крепостей волосы на голове дыбом встают. Это я тебе как бывший пехотинец из девятого легиона говорю.

– А смысл? Не проще повесить?

– Не буду говорить, что в остальных крепостях добывают, но в Заречье регулярно устраивают рейды за лаурином.

– Что это?

– Лекарство, целебная древесина.

– От чего помогает? От старости или от глупости?

– Нет, от геморроя.

– Вот теперь-то я точно понял, что ты дурака валяешь. Нашел свободные уши и присел на них. Байки, больше похожей на правду, придумать не мог? – Разговор мне перестал нравиться.

– Слушай, молодой, ты никогда не думал, что не всегда таким будешь? Почему, по-твоему, люди эту болячку в разговорах постоянно поминают? «Геморройно это» или «сплошной геморрой». Ты эти слова на улице часто слышал?

– Приходилось.

– Молодежь эти слова употребляет даже не задумываясь, как старшее поколение от него страдает. Не дай бог им заболеть – от боли выть будешь. Ствол лаурина в столице по своему весу в серебре идет. Процедуру лечения рассказать?

– Не надо. – Я содрогнулся, представив, что с этим самым лаурином делают и куда пихают.

– Еще там благовонное дерево добывают. Поставил шкатулочку на стол – и у тебя целый год в комнате цветами пахнет. Поэтому штрафников и иностранных наемников для такого дела не жалко. Ты хоть представляешь, на что подписался?

– Нет, хотя если ты правду говоришь, то бежать мне надо.

– Ты судью за дурака держишь? Думаешь, чего это он тебя от кражи отмазал, но на свободу не отпустил? Завтра в общий ряд кандалников – и вперед! Тем более что ты контракт засветил. Когда нужно, судья закон на первое место ставит. Обычно такие, как ты, иностранные наемники едут, пока про Заречье правды не услышат. Разворачиваются – и бежать. Если не успевают до срока покинуть империю, их ловят и все равно за дезертирство туда отправляют, но уже простыми легионерами. И вообще пора в камеру, скоро начальство придет на вечернюю поверку, и не вздумай что-нибудь выкинуть, под стол сначала загляни.

Я нагнулся и увидел, что в живот мне смотрит маленький арбалет.

– Если выживешь в течение полугода, приходи ко мне или найди старшего пятерки стражников, насчет баронства я не шутил. Почитаешь бумаги – поймешь. Двигай к камере, я за тобой. Повторяю: даже и не думай!

Я молчком поднялся и направился по коридору, тюремщик захлопнул за мной дверь. Лязгнул засов. Я без сил свалился на сено: «Интересно, во вселенной есть место, где люди живут нормально? Одна несправедливость кругом, куда ни посмотри!»

С утречка меня выпихнули в тюремный двор и вернули вещички, даже гнutoго медяка не забрали. Как же можно своего будущего барона грабить? Бить древком копья в порядке вещей, в камеру сажать тоже, а красть у меня нельзя! Сплошное благородство и всеобъемлющее благоденствие! Я просто умилился. Мое восхищение достигло апогея, когда меня к общей цепи приковали. Таким, каким был: с оружием и прочим добром. Еще и поесть на дорожку завернули, и флягу вином наполнили. Я уронил скупую слезу: «Милосердные вы мои!»

Переполнившись высокими чувствами, я двинул соседа по кандалам древком копья по голове. Пусть спасибо скажет, что насквозь не проткнул, когда он в мою сумку без спроса полез. Перед нами выступил красномордый начальник конвоя. Объяснил, что до пограничной реки нам добираться пятеро суток. Ласково добавил, что тех, кто идти не сможет, – зарежут, чтобы темпа марша не сбивать. Воодушевившись его речью сверх всякой меры, я в составе колонны человек из ста отправился в путь.

В первую же ночь сосед где-то раздобыл острую щепку и попытался воткнуть мне ее в горло. Думал, что я сплю. Наивный! Я ждал чего-то подобного, так как из всей колонны только у меня поклажа была – остальное имущество везли на телегах. Пришлось его вырубить и по-тихому придушить. Начальник все понял, но, на удивление, ничего не сказал. На следующую ночь попытку повтори́ли уже четверо, одному я Кусакой пробил череп, остальные подняли вой. Конвоиры навалили всей колонне, не разбирая – кто прав, кто виноват. Меня почему-то бить не стали. Причина этого выяснилась утром, когда начальник приказал меня расковать – сказал, что ошибка вышла:

– Ты у нас офицер – вот и займись своими подчиненными! Разрешаю падеж до двадцати голов! – Он хитро мне подмигнул.

Я сразу догадался, что ему тюремщик в руку пихнул, когда мы за ворота выходили. Не знаю, в чем тут дело, но когда узнаю – мало никому не покажется! Казалось бы, чего проще –

прочитай бумаги, и все дела. Ага! Кандалы сняли, но охрана с меня глаз не спускала. Рядом постоянно находилась парочка всадников. Обратился за разъяснением невиданной «удачи» к начальнику конвоя.

– С чего такая милость? – напрямую спросил я.

– Это как посмотреть. Ты же у нас благородный, второй по счету в крепости, первый – комендант. Значит, как минимум командиром роты станешь. Может быть, до его заместителя дорастешь, мне дела придется с тобой вести.

– Какие?

– Разные! От коменданта узнаешь. Насчет снижения поголовья я не шутил. Самых наглых убей! Быстро и чтобы все видели. Они одного твоего взгляда должны бояться! Чтобы ты понял, я поясню: на границе вас речники до другого берега переправят, но до крепости пойдешь с ними один. Что они с тобой сделают – объяснять нужно?

– Тебе не кажется, что ты перешел все границы? – возмутился я.

– Их-то я как раз и не нарушаю, моя служба проходит в тылу, – он коротко хохотнул. – Вали их наглухо, прямо сейчас и начинай. За все: косой взгляд, ухмылку – найдешь за что, если жить захочешь. Второй вариант: высадим тебя первым и дадим оторваться. В крепости ты с ними снова столкнешься, но там будешь уже не один. Верхушка за тобой присмотрит, однако они могут тебя и не поддержать: нерешительные люди никому не нужны. Худшей клоаки, чем Заречье, я не видел, всего два раза пришлось побывать, но мне хватило. Убийцы воров охраняют и их же гробят. Наведи порядок среди подопечных, и я тебе рекомендацию черкану. Мое слово в крепости кое-что значит. Иди думай.

Я отошел в сторону и посмотрел на колонну: такой неприкрытой ненависти давненько не видел. Убивай их или не убивай, но живым до крепости вряд ли дойду. Эти люди добра не ценят, почуют слабость – и сразу разорвут. Такое ощущение, что где-то рядом Умник с ментоизлучателем сидит. Что бы каждый из них сделал, оказавшись на моем месте? Я бы дня не прожил! Может быть, среди них и есть хорошие парни, но уж очень умело они это скрывают. Нет, ребята, так не пойдет, я первый вас порву! Чем вас меньше останется, тем выше мои шансы. Здесь нет невиновных людей, включая меня! Начальник убийств хочет – вот пусть сам и марается! Отличный способ для этого существует. Один до крепости пойдешь! Напугал ежа голым задом! В лес уйду, мне не привыкать!

Я отправился к обозникам и потребовал выдать мне лук и стрелы. Получил запрашиваемое оружие без проблем. Потом они начались: за ночь штрафники сговорились и отказались подниматься до обеда. Заявили: «Без длительного отдыха дойти не сможем». Пока охрана их безуспешно избивала, я подошел к начальнику. Тот встретил меня ухмылкой:

– Что, кишка тонка? Мои никого убивать не будут, я запретил. Делай, что сказано!

– А если не стану?

– Добро пожаловать в строй! Кандалы на тебя надеть не сложно.

– Ладно, дай мне пяток конвойных, буду порядок наводить.

– Самому слабо?

– Нет, просто помощь нужна. Штрафники все равно не поднимутся, хоть до смерти их бей. Им все равно – жить или умереть. Ты их сколько десятин уже гонишь? А те, кто до тебя? Запугать нужно. Казню пару-тройку – остальные послушными станут. Другого выхода не вижу. Как у вас в империи дела с сажанием на кол обстоят?

– Что это? Новый вид казни?

– Старый. Обещаю, тебе понравится. Конвойных небрезгливых дай, поработать

придется.

Объяснил охранникам, какие колья срубить, и отправил их в рощу. Сам пошел к штрафникам, скомандовал:

– Встать!

Ноль реакции. Я не расстроился и произнес маленькую речь:

– Вижу, вы устали. Я с вами согласен, отдых нужен, и поэтому я не против привала. Только за все платить необходимо – в нашем случае это будет жизнь ваших товарищей. Там, откуда я родом, существует казнь – сажание на кол. Делают это так: втыкают в зад преступнику деревянную жердь и ставят ее вертикально в яму. Если кол ошкурить, то человек постепенно нанизывается на него в течение суток. Кричит, маму зовет. В итоге острое выходит через рот или глаз. Если коры не обдирать, то счастливики будут умирать два-три дня. Время отдыха мы будем отмерять так: пока трое из вас корчатся и орут, остальные под эту веселую музыку могут расслабляться. На следующий день все повторится, но сидеть будут уже пятеро. Мне разрешили двадцать человек из вас казнить, как раз за время пути уложимся. Поэтому предлагаю подняться и продолжить путь! Встать!

Никто не шевельнулся.

– Вы сами сделали свой выбор!

Приказал расковать троицу, что напала на меня ночью. Зачем преступников выискивать, раз они уже есть? Жестоко? Но они ко мне ночью не в гости приходили. Стиснув зубы, наблюдал за казнью. Кончилась моя невинная жизнь! Я убивал и раньше, но специально никого не мучил без необходимости, старался сделать все быстро. Даже над Тексом особо не издевался, просто выхода другого не было, к тому же эта сволочь первая начала. Как себя ни оправдывай, но я никогда уже прежним не стану. Просто не смогу сказать «я не такой, как вы»! Такой же – зачем себя обманывать? Чтобы выжить, любого на ноль помножу. Может быть, встречу людей, за которых мне жизнь отдать не жалко будет, но как-то они меня стороной обходят. А скорее всего, их в природе не существует. Примерно час слушал крики и мольбы подвергнутых лютой казни сидельцев. Потом обратился к штрафникам:

– Хотите, чтобы они умерли быстро и с вами того же не произошло? Встать!

Колонна поднялась. Я сказал охране:

– Потяните их за ноги вниз, кол завершит начатое дело. Прогоним колонну мимо, пускай полюбуются! Больше непослушных кандалников не будет.

Стоял рядом с кольями и смотрел в лица проходящим мимо. Ни один моего взгляда не выдержал, все глаза прятали. Я этого и добивался, но спиной никогда больше к ним не повернусь. Не простят, но и я их тоже! Могли бы подчиниться с самого начала. Они не своих дружков пожалели, просто за свою шкуру трясутся. Боятся, что с ними так же поступлю. Правильно трусят, с этого момента никакой жалости! Они мне ни в коем случае никакие ни друзья и никогда ими не станут!

Пока топали, я достал иголку, уколол палец и капнул кровью в выемку топора. Были основания полагать, что он активируется. Насколько я знаю, геном у меня не изменен. Посмотрим, что получится.

В первый раз увидев пограничную реку, я, мягко сказать, изумился, хотя очень хотелось найти выражение покрепче. Ширина у нее была километра три. Противоположный берег скромно таился в туманной дымке. Вот тебе «Речка, реченька, речушка – речка тонкий ручеек!».

Как мне, спрашивается, через нее в бега уходить? И какие-то подозрительные животные с большими зубами в воде плещутся. Съедят меня, болезного, и не задумаются! Лодка нужна или баркас, на худой конец плот, только большой. А еще лучше – огромная баржа, так как одна из зверушек только что на два метра из воды выпрыгнула. Да уж, не было печали! И охрана за мной как привязанная ходит, причем, как к реке подошли, в двойном количестве.

Начальник подъехал ко мне на перке и спросил:

– Готов к переправе? Скоро на сигнальный дым речники приплывут.

– Я-то готов. Думаю, что мне нужно в отрыв уходить. Первым отвезешь?

– Ладно, за твои старания бумагу тебе черкану, коменданту отдашь. Есть вариант.

– Да что еще?! – возмутился я.

– Кандалы видишь? По неписанным правилам их речники на том берегу себе забирают. Тебе безопасность нужна? Не отдавай. Сумеешь – в крепости на окраине найдешь кузнеца, зовут Простаком. Его там все знают, любого спроси. Он тебе штрафников раскует и железо продаст. Четверть выручки твоя.

– Почему не половина?

– Я, ты, Простак и комендант. Зато без обмана. Деньги он сам всем разнесет.

– А неприятности будут?

– Не сомневайся: обязательно. До тебя только один сумел такое провернуть. Тебе репутация нужна? Хочешь сразу уважение получить? Постарайся!

– Твоя какая выгода? Там того железа – всего ничего.

– Об заклад на тебя биться буду. Не подведи.

Он развернул перка и умчался.

Ничего себе подстава! Он что, смерти моей хочет?! С другой стороны, что мне терять? Не те, так другие прибьют! Я всю дорогу будущим пограничникам руки отбивал, чтобы они их поднять и ударить меня не смогли. Последний день и ноги тоже, чтобы догнать не сумели. Дело нехитрое – выломал в кустах толстую палку и лупил их по плечам и бедрам. Травма сама по себе не опасная, я ее неоднократно получал, но подвижность снижается у человека наполовину, если не больше. Пока вдоль строя пройдешь, хоть самого выжимай – никогда не думал, что побить, притом аккуратно, сотню человек так утомительно. Зато теперь кандальники радовали меня походкой враскоряку. Лица перекошены, и от боли шипят. Если их в цепях оставить, то бегать в одиночку мне не придется. Дойдут! Как миленькие доберутся до крепости, пусть и ползком, мне все равно. Я постараюсь, чтобы так и вышло. Там всего-то час пути.

Речники приплыли на большом плоскодонном парусном барке, команда человек пятнадцать. Я подошел к капитану и попросил его немного задержаться, объяснил так:

– Мне нужно подопечных поугатать немного, чтобы вели себя хорошо. И вам развлечение будет. Надолго не опоздаем, всего-то на полчаса.

Капитан согласился. Интересно водоплавающему индивиду стало, что я придумал.

Разочаровывать зрителей не стал и устроил шоу. Прислонил одного из штрафников к большому дереву и утыкал ствол по его контуру стрелами. Бедолага обмочил штанишки в тот момент, когда я начал выпускать стрелы с большой скоростью, только тетива успевала по браслету на запястье щелкать. Я находился на близком расстоянии, поэтому никакого риска не было. Но другие об этом не знали. Обратился к народу и объяснил, что пока их в гарнизон не сдам, пристрелю любого, кто дернется. Затем демонстративно прицепил на себя три колчана. Неприкрыто намекнул, что на всех хватит.

Охрана и речники были в восторге, о кандалниках такого сказать было нельзя. Сама переправа прошла буднично. На каждого из штрафников нагрузили по тюку с оружием и вещами, потом загнали на борт. Речники свое дело знали, и процедура была отработана. На борт я поднялся последним. Посмотрел на берег. Начальник приветственно сделал мне ручкой. Я сплюнул в воду: «Планета круглая, за углом встретимся!»

Одного из конвоиров он послал наблюдателем: не терпелось ему узнать, как я с матросами разберусь. Мне тоже было интересно, до дрожи в коленках. Высадка прошла по той же схеме. Причалили и по мосткам согнали всех на берег. Появился кузнец, штифты выбивать. Я приказал ему валить на все четыре стороны. Он спорить не стал, поднялся на борт и пожаловался капитану. Тот, не сходя на берег, заорал:

– Ты что творишь?! Железо наше, так всегда было! Нарываешься? Да мы от тебя сейчас мокрого места не оставим!

– А ты что, меня с ними один на один оставляешь?! – заорал я в ответ. – Давай конвой до крепости – и забирай!

Капитан разразился бранью и дал отмашку матросам. Не успели они выбежать на мостки, как я воткнул перед ними в доски пять стрел. Матросы, которые тоже видели мое представление, замерли на месте. Закричал:

– Слышишь меня, капитан? Шестую тебе в глаз всажу! – и недвусмысленно прицелился в него. – Только дернись! Ты что, себя императором возомнил?! Офицера бить приказываешь! Бунтуешь! Что бы ты ни делал, я в любом случае удрать успею. Быстро поднял трап и убрался от берега, иначе за себя не отвечаю!

Капитан загнул так, что у меня уши завяли, и приказал отчаливать. Напоследок он прокричал:

– Посмотрим, что скажет комендант!

– Жду не дождусь! – ответил я. – Только я первым буду!

«Или вторым!» – подумал, провожая взглядом почтовую птичку, улетевшую в сторону крепости.

Построил пограничников в колонну и погнал вперед, сам шел сзади, держа лук наготове. Спрятаться в кустах и устроить засаду им цепь не даст. Увижу заминку – значит, они оружие из тюков достают. Если не успею пристрелить зачинщиков, просто убегу. На удивление народ вел себя смирно. Их можно было понять: мы на диком берегу. Наверное, их просветили, что кроме как в крепости тут безопасных мест нет. Так и шли, пока кто-то в голове колонны не заорал:

– Заречье!

Я обогнул колонну по большой дуге и посмотрел. Как-то не похоже на пограничную крепость в моем представлении, скорее это небольшой город, стоящий на холме. В середине огромный каменный донжон, потом идут дома и стена с башнями, метров семь высотой. За ней бараки, халупы и простенькие глинобитные домики, высокий земляной вал с частоколом

и сторожевыми вышками. И ров, заполненный водой, в наличии имеется. К гадалке не ходи, в центре верхушка живет, потом приближенные и прислуга, а затем все остальные. Народу тысяч пять-десять. Я-то думал, что тут что-то вроде укрепленного лагеря будет, – а здесь целая цитадель! И поля вокруг засеяны. Что, тюремщик предупредить меня не мог? От кого они все эти укрепления понастроили? От дикарей? Как-то не верится! Поживем – увидим, что-то я в последнее время часто так думать стал. Терпеть не могу полной неизвестности!

– Вперед! Двинулись! – заорал я.

Подошли к подъемному мосту – там уже собралась толпа, состоящая из солдат, приветственные крики звучали тут и там:

– Свежее мясо! Добро пожаловать, сочные попки!

Ход колонны замедлился, она сбилась в кучу, мои подопечные растеряли уверенность. Психология, чтоб ее! Трудно с голым задом на пулемет в атаку ходить. Я в свое время кучу «прописок» прошел. Везде и всегда одно и то же: новичка нужно смутить и запугать. А потом вдоволь над ним покуражиться. Если новичков группа, ищут самого слабого и забитого. Шутки ниже пояса приветствуются. Те, кто этим занимается, утверждают, что хотят понять новичка и определить его место в иерархии обезьяньей стаи. На самом деле это обыкновенная жестокость, даже самого крепкого и психологически устойчивого человека можно смутить, подловив со спущенными штанами. Мне в эти игры играть было некогда. Поэтому я пинками восстановил строй и подошел к воину, стоявшему перед нами.

– Я могу увидеть старшего караула?

Тот лениво оглядел меня, сплунул и спросил:

– Кто интересуется?

– Тебе не все равно? Начальника позови, как положено.

– Кем положено? – ощерился наглец под одобрительный шум толпы. – Никого с именем «начальник» я не знаю!

– Знаешь! Если бы не знал, ты бы сейчас не в карауле стоял, а свои розовые ягодицы перед первым встречным в кабаке раздвигал! Булками шевели, боец!

– Нет его, завтра придет.

– Похоже, ты не понял. Мне все равно, где он, – метнулся и привел его сюда! Живо!

– А то что?

– Да вот это! – Я врезал ему в висок: солдатик шлем на пояс повесил, что было весьма неумным поступком с его стороны.

Караульный упал на землю, а лук с наложенной стрелой уже был нацелен в сторону толпы, которая колыхнулась в мою сторону.

– Стоять! – заорал я. – Не говорите потом, будто не знали, что я офицер! Я до каждого, кто стоит передо мной, лично этот момент стрелой в глаз доведу! Есть желающие попробовать? Чихать я хотел на ваши обычаи, по которым вы новичков встречаете! У меня только одна традиция принимается во внимание – подчинение старшим по званию! Первый, кто сделает шаг вперед, получит стрелу и петлю за бунт! Слушай мою команду: разойдись!

Толпа не шелохнулась.

– Я вижу, ребята, каждый из вас думает, что может отсидеться за чужими спинами! Так вот, вы ошибаетесь! И начнем мы с тебя лично! – Я направил прицел на одного из пограничников, который стоял впереди. Скомандовал: – Ко мне! И не вздумай что-нибудь выкинуть: либо ты исполняешь приказ, либо я прострелю тебе ляжку. Бегом!

Воин не двинулся с места. Тетива щелкнула, и он с криком упал на землю, пытаюсь

вытащить стрелу из своего бедра. Наконечник другой вновь смотрел на толпу.

– Теперь ты! Ко мне! – Я прицелился в другого пограничника. – Не выполнишь приказа – ты покойник!

Тот подошел как сомнамбула, заворуженно уставившись на наконечник стрелы. Судя по всему, парня проняло. Легко быть смелым в шайке шакалов, но когда рядом с тобой верещит от боли дружок, который только что был таким отважным, дело совсем другое. Армия вообще замечательное место – если ты генерал, а еще лучше маршал. Простому солдатику приходится несладко, все вокруг командиры, и попробуй не подчиниться: штрафная рота еще неплохой вариант, приклеят бунт или измену – и добро пожаловать на плаху. Даже офицер невысокого звания может доставить столько неприятностей, что небо с овчинку покажется. Вот и выбирай. Этот свой выбор сделал.

– Быстро сюда начальника караула! – скомандовал я. – Нет на месте – давай того, кто замещает.

Пограничник кивнул и убежал. Я обратился к остальным:

– Разойтись!

Толпа таяла на глазах: у всех нашлись срочные неотложные дела. Это всегда так: стоит одному дать слабину – остальные сдаются. Точнее, в основном так – люди покрепче духом продолжают проявлять характер. Но очень трудно стоять одному, когда другие разошлись и ты один на один с угрозой. Раненого утащили сослуживцы. Не бросили, уже молодцы. Прождал где-то с полчаса, подопечных усадил на землю: пусть отдыхают, и контроль над ними осуществлять проще. Появился офицер в начищенном доспехе и сразу на меня наехал:

– Как ты смеешь отрывать меня от обеда?!

– Куда сдать вновь прибывших? Мне нужно доложить коменданту. И караульный у вас спит на посту! – Я указал на лежащего без сознания бойца. – Въездные ворота без охраны – это не дело. Где я могу найти Простака?

– Я что тебе, нянька? Сам разбирайся! Пришлют зелень всякую, которая мнит о себе неизвестно чего!

– То есть ты разрешаешь вооруженному отряду войти в крепость просто так?

– Делай что хочешь! Тут тебе не империя! – Офицер развернулся и ушел.

Ничего себе! Что же тогда у нас здесь? Я грешным делом думал, что там, где воинский контингент и укрепления империи, и земля тоже принадлежит империи! Они что, с дерева упали и головкой ударились? Один караульный на посту, сейчас и того нет, по крепости гуляет неизвестно кто, а начальник караула изволит принимать пищу по распорядку! Куда я попал? И откуда в этом месте дети? Я увидел, что из переулка вывалилась ватага мальчишек, они стали играть в ножички. Вот те раз!

Я свистнул и поманил к себе рукой одного мальчика. Когда он подбежал, сияя улыбкой, мне даже как-то на душе стало легче, такой он был веселый.

– Привет! Я – Шустрый. Медяк заработать хочешь?

– Два! – заявил мальчуган. – Тогда и отведу, куда скажешь.

– Договорились. Мне к Простаку нужно, а потом к тому, кто новичками заведует.

– Деньги вперед! Новичками заведует тот, кто привел, занимайте пустой барак и живите. Все так делают.

– Откуда ты это знаешь?

– У меня папаня офицер!

– Тогда ладно, веди.

Получив монеты, мальчишка отвел нас на соседнюю улицу. Кузнец оказался бородатым мужиком богатырского роста. Увидев нас, он обрадовался:

– Железо пришло! Вы вовремя, ребята, у меня запасы заканчиваются.

– Я от начальника конвоя, он сказал – ты знаешь, что с кандалами делать. Сам продашь и долю принесешь. Это так?

– Конечно. Сейчас я твоих голубков раскую, монеты получишь примерно через десятину. Может быть, чуть позже. В общем, как расторговаться сумею. Свою долю я железом возьму.

– Мне без разницы. Слушай, Простак, мальчуган говорит, что любой барак занять можно, это правда?

– Да. Советую устроиться в крайнем, он стоит во втором ряду, пустует совсем недавно. Отряд не вернулся – вещички растащили, но сильно загадить не успели. Работы меньше. Я за походной наковальней пошел – построй их, быстрее управимся.

Обернувшись, я увидел, что строй вновь сбился в кучу. Похоже, придется мне ими и дальше командовать. Кнут они уже увидели, пора раздавать пряники. Глядишь, не прирежут меня ночью. По крайней мере, до тех пор, пока не освоятся.

– Бойцы! Сейчас с вас снимут кандалы. Потом я отведу вас в казарму, где вы будете жить. Вам понравилась встреча у ворот? Мне кажется, что это еще не конец. Скорее всего, к вам придут вечером избавлять от лишнего груза. Если будете продолжать себя вести как стадо бессловесной домашней скотины и не возьметесь за ум, вас разденут до нижнего белья. Возможно, кого-нибудь зарежут для остратки. Не знаю, что скажет мне комендант, но существует вероятность того, что меня назначат вашим командиром. Предлагаю вам договор: я не стану вас гонять без причины и защищу от произвола. Взамен вы станете тащить службу как положено. Поймите одно: на новом месте поодиночке вы все – добыча! Хотите портянки стирать всей крепости и пайку свою отдавать – ваше дело. Поэтому поступим так: те, кто со мной согласился, после кузнеца отходят вот в эту сторону, остальные в другую. За них я отвечать не стану. Выделю закуток в казарме – и на этом все. Пусть живут как хотят – сами по себе, значит, сами по себе. Предоставлю возможность передумать, но недолго, всего пару дней. Единственно – буду требовать ходить в наряды и караулы. Ну и на войсковые операции, как без этого. Круг обязанностей определю позднее. Все слышали? Вопросы? Первые в цепи, к кузнецу!

Мрачно наблюдал, как отряд делится на две части, заодно и посчитал личный состав – семьдесят два человека. Пятнадцать из них решили жить самостоятельно. Я надеялся, что их будет меньше. Стадный инстинкт и все такое. Постарался как можно лучше запомнить лица отказников. Подлость может прилететь с любой стороны, но скорее всего зачинщиками будут они. Мне такие дестабилизирующие элементы в подразделении не нужны. Плохой пример для подражания, который всегда рядом. Значит, убью или обменяю, третьего не дано. Каким упрямством нужно обладать, чтобы послушным в такой ситуации не притвориться? Думают, что самые крутые или действительно такие? Вот и посмотрим, кто кого!

Построил пограничников и назначил временных десятников. Отказников не трогал. Мальчишка повел нас в указанную кузнецом казарму. Я с любопытством смотрел по сторонам. Как-то не похоже Заречье на крепость в осаде, откуда вернуться невозможно. Грязь тут развели знатную, группы солдат, слоняющихся без дела, вводили меня в параноидальное состояние. Когда же я увидел распутных девиц, кокетничающих с ними, у меня произошел срыв шаблона. Я всего лишь курсант и в боевых действиях в составе групп не участвовал – так, душил врагов поодиночке, когда меня натаскивали на живую цель. Но на

пограничных базах бывал и видел, как там все устроено. И в мирное время так службу не несут. Цирк какой-то, а не армия. Солдат, все равно какого он рода войск, должен быть постоянно чем-то занят, пусть даже и бесполезным делом, – первое правило командира. Тогда у него времени на всякие глупости не остается. Обнаружив военнослужащего, шатающегося без дела, каждый офицер обязан его припахать – это закон! Труд, особенно бессмысленный, благотворно влияет на неокрепший разум солдата. Иначе в него проникают крамольные мысли: «Как бы выпить и закусить? А не пойти ли мне по бабам? Давай над молодыми поиздеваемся? А если дернуть за эту штучку, взорвется или нет?»

Лентяйничавший солдат – это страшный сон командира.

Наконец мы пришли к барaku. Я отпустил мальчишку и зашел внутрь. Ну и бардак. Слева от входа каморка для караульных и вестовых, оружейка, дальше комната для офицера и собственно сама казарма. Мебель вся переломана. Направо ведет дверь в маленькую кухню. Какое-то особо умное подобие человека произвело акт дефекации организма прямо на середине стола. Наверное, поэтому стол был единственным предметом обстановки, оставшимся целым.

Вышел на улицу и подозвал к себе десятников.

– Я к коменданту. Выделите мне одного молодого солдата, умеющего быстро бегать, – будет моим ординарцем и вестовым. Людей загоняйте внутрь, весь хлам на улицу. Вещи, которые можно починить, откладывайте. Поспрашивайте, кто умеет готовить. Обещайте должность кашевара. Первый десяток должен быть готов выдвинуться ко мне. Возможно, что-то дадут интенданты. Ах да! Сначала спросите про повара. Почему – поймете, когда он зайдет на кухню. Исполнять!

Хихикнув про себя, я отправился в донжон. Через минуту меня догнал посыльный.

Охрана на крепостных воротах была существенней, чем на валу, – целых три бойца. Они вообще меня ни о чем не спросили. Похоже, чтобы добиться внимания караула, нужно было самому к ним пристать с просьбой проверить пароли-отзывы. Зато в донжоне старик-привратник стоил всего гарнизона, вместе взятого, от него только и слышалось:

– Не велено!

– Ах ты, старая кочерыжка! Как мне к коменданту попасть, если ты меня не пускаешь!

– Не велено!

– Можешь записку передать?

– Не велено!

– Ты почему из своего зада ручку от метлы не вынимаешь?

– Не велено!..

Тут до цербера дошло, о чем его спросили, в глазах появились проблески мысли.

– Ты кто такой?

– Меня зовут Шустрый. Новый отряд привел, надо доложить коменданту.

– Так чего сразу не сказал? – Старик загремел засовами и открыл дверь. – Заходи!

– И документов не спросишь?

– Не ве... Тьфу! Я неграмотный. У тебя на лице написано, что ты прохвост, который любит жить поближе к кухне и подальше от начальства. Ты же клянчить пришел! У милорда в это время час размышлений! – Старик хмыкнул. – На перине, в спальне. Если каждый его от тяжких дум отрывать станет, это плохо скажется на пищеварении. Забота о самочувствии начальства – первейшее дело для подчиненного. Или ты мечтаешь с утра до вечера на плацу строиться? Пошли, у меня как раз вода закипела.

Я оставил вестового у входа и пошел за ним. Старик завел меня в большую светлую комнату на втором этаже. Поколдовал над чайником и налил мне горячего напитка из пахучих травок.

– Старый, а как коменданта зовут? Как к нему обращаться?

– «Милорд» – он это любит. А имени его я не помню, меньше знаешь – крепче спишь!

И тебе узнавать не советую!

– Это почему? – поразился я.

– Так они часто сменяются, почитай каждые полгода или год. Предыдущее начальство всегда замышляло что-то и против кого-то, в основном против императора. Предатели! Вот спросит тебя следующий: ты кому подчиняешься? А ты ему: вам, милорд! Сразу обласкан будешь! А если имя невзначай брякнешь – догадайся сам, что тебя ждет. При мне уже человек тридцать сменилось, и все они именем первого коменданта подписываются.

– Как тебя, такого умного, еще не выгнали?

– Нельзя! Я – символ. Без меня вся эта, как ее там, вертикаль власти рухнет! – В глазах старичка мелькнуло что-то змеиное.

Моргнул, миг – и на меня вновь смотрят добрые улыбчивые глаза.

– Понятно! – бодро сказал я. – Действительно, все дома на старых слугах держатся. Без них никуда, здесь я абсолютно согласен. Не самому же владельцу хозяйством заниматься. Может быть, совет добрый дашь?

– Ты человек военный, вот и служи потихоньку. Не лезь, куда не просят, и вопросов как

можно меньше задавай.

– Это невозможно. Я человек новый. Как мне без вопросов обойтись?

– Сам поймешь, если умный. Милорд тебя к интенданту отправит, указания от него получишь. Он непосредственно подразделениями занимается. Его имя тебе тоже ни к чему, понятно? Так и обращайся: господин интендант! Он это любит.

– Что ты все заладил: «любит», «не любит»!

– Ты сам совета просил – так слушай: от того, что они любят или не любят, с этого момента твоя жизнь зависит. Не выделяйся и не встревай. Пожалеешь!

– Ну... Спасибо, я понял.

На стене задергался и зазвонил колокольчик: кто-то дергал за шнур в другой комнате. Старик поднялся и на выходе сказал:

– Проснулся. Сиди здесь, колокольчик звякнет – слева по коридору кабинет. Я о тебе сообщу.

Слуга явно непрост! Всех пережил! Или сам их на пост поставил? И этот его взгляд – меня до печенок пробрало, встречался уже с подобным. Неприметный, серенький, добрейшей души человек кажется таким до тех пор, пока его подноготной не изучишь. Нужно срочно обрастать связями. Где у них здесь народ культурно отдыхает? Выяснить и навестить, иначе так и буду вслепую, как кутенок, носом тыкаться.

Зазвенело, я встал, поправил португую, пригладил уже порядком отросшие волосы и пошел на аудиенцию. Комендант оказался полным и высоким человеком. Этакая туша килограммов сто пятьдесят весом. Его смело можно назвать великаном – рыхловат немного, но смотрелся он очень внушительно. Его лицо восторга от нашей встречи никак не проявило, мое же, наоборот, сияло как начищенный медяк.

– Милорд! Текс Скинт, виконт Излучины, прибыл для дальнейшего прохождения службы! Доставил личный состав в количестве семидесяти двух человек! – отрапортовал я, щелкнув каблуками.

– Странно! Слуга доложил мне о каком-то Шустром.

– Предпочитаю использовать прозвище, дабы не трепать славное имя предков! К вашим услугам!

– Хорошо, твое желание оставаться инкогнито мне понятно. Итак, возьмешь под свою команду вновь прибывших штрафников. Назначаешься на должность командира роты. Звание – лейтенант. Имущество, вооружение, графики дежурств по гарнизону получишь у интенданта. Вопросы?

– Личного состава слишком мало, чтобы сформировать роту.

– Мы все тут в таком положении. Согласно штатному расписанию, у нас пять полков, а в наличии только три. Большие боевые потери. По старому уложению, мы даже до полноценного легиона не дотягиваем. Давай сюда письмо начальника конвоя. Иди, интендант введет тебя в курс дела.

Я отдал записку, откланялся, спросил слугу, стоявшего за дверью:

– Где находится интендант?

– В подвале сидит, затворник. Тебе вот по этой лестнице. Он тебя ждет.

Вежливо поблагодарив, я спустился вниз.

Интендант остановил мой доклад взмахом руки. Внешности не разглядел, в комнате царил полумрак, понял одно – что он маленького роста, так как из-за стола его почти не было видно.

– Бери бумаги, все там. – Он указал на стопку листов и несколько свитков. – Верхний документ – распоряжение на склад о выдаче постелей и пайка на сегодня. Остальное получишь завтра. Внимательно все прочитай. Десятина на отдых и работу с личным составом.

– Простите, господин интендант, могу я задать несколько вопросов?

– Да.

– С кем мне решать текущие проблемы?

– Не болтай языком попусту. Прочитаешь – узнаешь имя куратора, к нему и обращайся.

Ступай!

Вот те раз! Выгнали, и все дела! Никаких вопросов, даже про конфликт с речниками ничего не спросили. Такое чувство, что я здесь никому не нужен. Что намного страшнее, меня могли списать в расход. Странно как-то.

Узнал, где находится склад, отправил вестового за личным составом, отказников приказал не трогать. Идти было недалеко, угрюмый кладовщик узнал количество человек и без лишней волокиты выдал: тюфяки, подушки, одеяла и сухой паек, состоящий из сухарей и вяленого мяса. Меня, как офицера, снабдил периной и флягой вина. На этом мои привилегии закончились – не шибко густо! Когда мы притащили все это в казарму, продукты отдали кашевару, а вот располагаться пришлось на полу: мебели-то нет. Хорошо, что хоть мусор вымели и пыль протерли. Я собрал у себя в комнате десятников.

– Есть те, кого должность не устраивает? – выдержал паузу. – Вот и хорошо, с этого момента я командир нашей роты. Можете обращаться ко мне «господин лейтенант» или «ротный». На что жалуется личный состав?

– На все! – мрачно ответил один из десятников.

– Раз силы есть для нытья, службу нести смогут. Что с вооружением?

– Кинжалы, копья и кожаный доспех в отвратительном состоянии, сложили в оружейку.

Больше ничего нет.

– Будем чинить! Кстати, отказникам тюфяки выдали?

– Да.

– Пошли забирать. Несправедливо, что наши парни все таскали, а им без труда постель досталась. Советую подготовиться к драке. Заодно и проверю, чего вы стоите. Можете отказаться, но и с чином распрощаетесь, других желающих найду. Вперед!

– Так-так! – сказал я, подойдя к отказникам: отдельная компания расположилась в углу помещения. – Лежать не жестко? Тюфяки придется вернуть. Не для вас тащили!

– Да ты кто такой?! Привел нас в Заречье – можешь валить!

– Командир этой роты. Еще один звук – и я вас на мелкие кусочки порву. У меня закон один – кто не работает, тот не ест! Поэтому спать вы станете на полу, еду добудете сами. Я же вас предупреждал, что заботиться о вас не стану. Но мои приказы вам придется исполнять со всем прилежанием, иначе разговор с вами выйдет очень короткий. Крепость официально на военном положении. Что это значит, объяснять надо? Вы все где-то служили, думаю, что лишних заблуждений о моей бесхребетности не испытываете. Встать!

Один из отказников вскочил с постели. Сверкнул нож. Он замахнулся правой рукой и нанес им удар сверху. Я выставил блок предплечьем левой руки. Ладонь правой положил поверх его кулака, сжимавшего оружие, и провел рычаг руки наружу. Зафиксировал его руку, он упал на колени, я чуток повернул ладонь – и нож упал на пол. Не доводя прием до конца,

левой рукой нажал на локоть. Раздался хруст сломанного сустава, мужик заорал от боли. Я подобрал нож и всадил ему в шею. Стоя над трупом, скомандовал:

– Встать!

Щелк! Кусака выпрыгнул мне в руку. Удар! Отрубленная рука другого неудачника взлетела в воздух. Добил его наверху в грудь, небрежно взмахнул топором, стряхивая капли крови, и двинулся вперед. Отказники сбились в кучу, кто-то заорал:

– Ты же обещал нас не трогать!

– Так и было до тех пор, пока вы сами меня задеть не захотели. Десятники, связать их, выставить караул – завтра решу, что с ними делать. Пададь вынести на улицу, и приберитесь здесь!

Проконтролировал исполнение приказа и пошел к себе в комнату. Первым делом проверил дверь и окно. Ставни и створка двери из массивного дерева, никаких крючков, металлические засовы, их просто так не вышибешь. На потолке и в полу имелись небольшие люки, тоже с запорами. Видимо, офицер, живший здесь до меня, был еще бóльшим параноиком, чем я. На чердак заглянуть не сумел: не было лестницы. А вот подпол бегло осмотрел. По периметру фундамента было несколько вентиляционных окон, сквозь которые можно спокойно пролезть. Неплохо!

Улегся на перину и стал читать бумаги. Приказ о назначении на должность, устав гарнизонной службы, графики караулов и дозоров. Журнал боевых действий и учета личного состава. Обычная бюрократия. И как мне с двойной нехваткой людей прикажете все это исполнять? По штату у меня должно быть сто пятьдесят человек. Ладно, другие как-то справляются, и я смогу. Куратором у меня оказался капитан аркебузирова, звали его Вест Дронт. Завтра найду и пообщаюсь.

Заглянул вестовой:

– На улице толпа собирается! Грабить пришли!

– Тебя как зовут?

– Пинт, господин лейтенант!

– Передай десятникам, чтобы вооружили людей, дверь в казарму и ставни пусть пока запрут. Я осмотрюсь, чуть позже поясню, как станем действовать.

Куда офицеры смотрят? Или они по вечерам носа из-за стены не кажут? Солдаты творят что хотят? Скорее всего, так и есть, видел я на станциях кубрики, куда командиры после отбоя зайти боялись. Днем там тишина и покой, служба идет, а стоило только им по домам разойтись – такое начиналось!

Взял лук, вышел в коридор, открыл бойницу в двери и посмотрел наружу. Пьяненькие солдаты сбивались в кучки у входа. Похоже на то, что они ждут подкрепления: народ продолжал подходить. Копий и щитов не видать, брони тоже нет. Обычное дело, если новички сразу отпор не дадут – загоняют. В другом случае будет драка и поножовщина, что тоже неплохо: с развлечениями в крепости дефицит. Закрыв бойницу и скомандовал десятникам:

– Постройте людей в два ряда. Я выбегаю первым, стреляю из лука по самым наглым заводилам. Наши парни выдвигаются следом, левый ряд налево, правый соответственно направо. Построились в цепь, по моей команде идем вперед. Лупите всех, кто под руку попадется! Старайтесь не убивать, бейте тупыми концами копий. Запомните! – обратился я к пограничникам. – Сегодня решается ваша судьба! Или вы шишку здесь держать будете, или о вас ноги вытирать станут! Трусости не потерплю! Сам перестреляю! Держите строй, плечом

к плечу! Десятники чуть позади, оказывайте поддержку тем, кому приходится туго. Командовать не забывайте и меня слушайте! Внимание! По моей команде – вперед!

Вылетел за дверь. Лук защелкал тетивой, посылая стрелы. Старался подстрелить в каждой группе по человеку, стрелял по конечностям, но пару раз промахнулся и кого-то завалил наглухо. Позади меня застучали сапоги бойцов. Я не оборачивался. Прицел – выстрел! Нужно было действовать, пока толпа не очухалась. Темнота все скроет – это они так думают. Дождался того, что мои орлы выстроятся в два крыла, бросил лук на землю и заорал:

– Сомкнуть ряды! Копья наконечниками назад! Медленным шагом вперед! Бей!

Достал топор и тоже двинулся в сторону толпы, в середине мне было сподручнее. Кусаке простор нужен для размаха, в тесном строю им так не помашешь. Сшиб двоих обухом, на этом хорошие моменты закончились. Мои орлы оказались вовсе не орлами, а так – воробушками. Сломали строй и кинулись в драку. Хорошо хоть не разбежались. Только вот нас было меньше раза в три-четыре. В свалке количество выходит на первое место. Я разозлился не на шутку. Сбил с ног еще кого-то и вырвался из схватки.

Начал выбивать противника по одному, прошелся по краю драки и лупил их по головам, ловил момент и вытягивал своих к себе за спину. Пару раз принял за своих пограничников из других рот, и мне весь нагрудник ножами исцарапали. Ну, теперь держись! Кое-как собрал бойцов, еще раз предупредил, что порву каждого, кто покинет строй. Мы ворвались в центр побоища. Как-то само собой получилось, что я оказался на острие клина. Больше миндальничать не стал и развернулся во всю ширь. Бил наглухо: врагов было слишком много. Стоит упасть – и пищи пропало: затопчут. Вышел на другом краю драки, со мной осталось только трое, остальные исчезли. Свалка прекратилась неожиданно – кто лежал и стонал, кто-то бежал. По времени вряд ли она заняла больше десяти минут. О таком обычно долго рассказывать, но происходит все быстро.

Начал собирать пограничников. Тех, кто еще стоял на ногах, отправлял подбирать раненых. Считал потери: пять трупов с нашей стороны, трое тяжелораненых, все остальные порезаны. Лично у меня было две резаных раны на левой руке и одна колотая на ноге. И когда успели? Сам я моментов их получения не помнил. Зато и гостей мы потрепали неплохо: навскидку человек тридцать завалили, раненых я не считал. Как бы утром мне ответить по полной программе не пришлось.

Ну уж нет! Отобьюсь – они сами пришли, а мы белые и пушистые. Как ни крути, после отбоя передвижения по территории запрещены. Куда офицеры смотрели? Если волноваться, то о том, что со мной, разбираться никто не станет. Повесят вину и сделают крайним. Ладно, будет день – будет пища!

Помог перетащить раненых в барак. Из десятников на ногах остался только один, по имени Гронфорт, двоих убили, еще двое были ранены, они ходить не могли. Перевязки делать было нечем, рвали нательное белье. Тут мой взгляд упал на отказников, и я взбеленился – лежат себе отдыхают. Выхватил Кусаку и начал орать:

– Что, в сторонке решили отсидеться?! Не выйдет! Либо вы сейчас в строй встанете, либо я вас тут же порешу! На чужом горбу к Небесному отцу в кущи въехать желаете? Тот из вас, кто не согласен со мной, может подать голос!

Ответа я не услышал. Решил считать это знаком согласия. Достал нож и перерезал путы. Пинками погнал их к раненым, двоих направил к дверям в караул.

– Только попробуйте товарищей подвести! О смерти меня молить станете! Второго

шанса я вам не дам!

Зашел к себе в комнату и сел на пол. Шипя, отодрал от ран одежду, порвал рубашку и кое-как перевязался. Проклятая жизнь! Нет у меня навыков командования. Меня этому не учили, мой максимум – отделение из семи человек. Вот зачем я на улицу выскочил и всех за собой потащил? Стрелял бы себе из бойницы! С другой стороны, чего бы я этим добился? Просто отложил бы разборки на потом. Зато теперь к нам ни одна сволочь пристать не посмеет! Ребят-то как жалко, среди своих же войск жизни за бесценок лишились. Что тут за система управления такая? Ничего понять не могу. Во всем должен быть какой-то смысл, значит, надо его искать, и чем раньше этим вопросом займусь, тем лучше. Как был, завалился на постель и провалился в сон.

Противный писк начал вкручиваться мне в голову. Тонкий, пронзительный и очень неприятный. Он пищал и пищал, до тех пор пока я не проснулся. Защарил глазами по сторонам – никого. Писк не прекращался, стал еще сильнее. Взял копье, открыл засов и осторожно выглянул за дверь. Караульные застыли у дверей истуканами.

– Эй, парни! – позвал я.

Они мне не ответили. Потихоньку подошел к ним. Они стояли и улыбались, глаза были широко открыты. Поднял руку и помахал ладонью перед их лицами, – ноль реакции. Потряс одного за плечо – ничего. Стоят и улыбаются, как будто так и надо. Похлопал их по щекам. Что за дурость! Выставив копье вперед, прокрался в спальное помещение. Та же картина: даже тяжелораненые стояли и улыбались, не обращая внимания на кровь, проступающую на повязках. От движений раны открылись. Мысли вихрем закрутились у меня в голове. Что происходит?!

Подошел к входным дверям и приоткрыл бойницу. Писк перешел в тонкий, на грани слышимости, визг. На площадке появились тени. Напрягая зрение до предела, я пытался разглядеть существ, которые что-то делали рядом с мертвецами. Половина силуэтов вроде как люди, остальные ни на что раньше виденное мной похожи не были. Разве только на огромных насекомых. Самая большая тень была величиной с бемса.

«Да они же трупы собирают!» – догадался я.

Тени практически бесшумно исчезли в темноте, писк прекратился.

– Господин лейтенант, что случилось? Как сумели подойти так незаметно? – спросил меня один из караульных.

– Хотел бы я знать. Дежурьте дальше!

Вернулся в комнату и мрачно уставился в стену. Голова была абсолютно пустой. Никаких догадок и предположений строить не стал. Понятно, что ничего не понятно. Улегся на кровать, расслабился и опять уснул.

Сектор Веге. Окрестности белого карлика.

Станция № 9554-122/омега

Два человека стояли на коленях перед большим прозрачным баком, в котором плавало странное существо. Тельце младенца и огромная, метрового диаметра, голова. Его лицо практически полностью скрывала маска, к телу подходили многочисленные провода и трубки.

– Где кандидат в воины? – прошипели динамики. – Разрешаю вам вспомнить!

В людях можно было узнать медика из специального корпуса и академика.

– Не знаю! – одновременно заголосили они.

– Я прочитал ваши воспоминания. Ты бесполезен!

Медик упал на пол и захрипел, из его рта, глаз и ушей пошла кровь.

– Ты будешь искать! – Умник продолжил говорить. – Найди мне его, вычисли свою ошибку. Я не очень люблю встречаться с такими незначительными личностями, как вы, сам мог бы заняться этим вопросом, но мое время слишком дорого стоит. Ты хоть понимаешь, как ценен каждый из кандидатов и как сложно его найти среди миллиардов бесполезных людей?

– Я все сделаю! – закричал академик.

– Да. Так и будет. Теперь ты ответствен за пропажу. Работай упорно, и наградой тебе послужит твоя жизнь, как и жизнь твоей семьи. Позволяю тебе помнить меня – дополнительный стимул не помешает. Неудачи не приму. Иди и трудись, задействуй свой институт на полную мощность, остальные задачи можешь отложить.

Академик, пошатываясь, поднялся с колен и вышел из зала. Появился человек с суровым лицом, он был в ярости.

– Умник, ты с ума сошел? Они работают над нашим заказом! Опять ресурс на всякую ерунду тратишь, – возмутился Воин.

– Если бы ты мог видеть, как я, так бы не говорил. Линии вероятностей сплелись в клубок. Мы обязаны найти его. Уничтожение все ближе. Вычислитель предполагает, что конец наступит в течение трехсот лет. Потом тысяча лет агонии, но мы уже ничего не сможем исправить. Цивилизация будет отброшена в дикость.

– Один кандидат ничего не решит!

– Я этого и не утверждаю. Только вероятность! Но она нам нужна, в нас осталось слишком много от людей. Надежда умирает последней, ты сам это прекрасно знаешь. Мои братья ищут ее везде, где только возможно. Я решил, что моей надеждой будет этот кандидат. Он – переменная константа. Либо – либо. Скорее всего, все это бесполезно, но попытаться мы обязаны! Смотри, как сложились обстоятельства: проверка мной кандидата, жадный медик, бесчеловечный ученый. Скорее всего, кандидат к происходящему не причастен, нам помогут его поиски. Кто-то или что-то указывает нам путь. Ты видишь смысл?

– Его там просто нет.

– Ты ошибаешься. Впервые за тысячи лет кто-то попал в другую галактику. Что он там найдет или кого? И что получим мы в результате поисков? Оружие? Путь к спасению? Я не знаю ответа.

– Ты хотя бы самого себя понимаешь? – Воин смачно харкнул на пол и вышел за двери.

– Тупая мясорубка! – ругнулся Умник и закрыл глаза.

Неизвестная звездная система. Планета Мир.

Срединный материк. Империя. Крепость Заречье

Проснулся от боли в ноге. Что-то ее нехорошо дергать стало. Как бы заражение не подхватить. Встал и размотал ткань. Так и есть, края раны припухли и покраснели, нужно ее чистить, пока до гангрены дело не дошло. В этой крепости лекари водятся? Или опять самому придется по живому резать? Как вспомню – так вздрогну. Проковылял к двери и выглянул наружу: трупы исчезли, там вообще никаких следов не было. Значит, мне это не приснилось. Позвал Пинта. Рука у него была на перевязи, но двигался он, в отличие от меня, ловко.

– Слушай, боец, я немного не в форме. Чем ребят кормить? Сгоняй на склад, я тебе записку для кладовщика напишу. Пусть хотя бы еды выдаст, насчет лекаря его потряси. Если такового нет, лекарства требуй. Как там наши раненые?

– Им лучше.

– Ну, хоть что-то хорошее. Зови Гронфорта и лети стрелой исполнять указания.

Десятник был мрачен.

– Что делать будем, ротный? Как заставим людей нас уважать?

– Я думаю, что все в порядке. После вчерашнего происшествия в крепости к нам вряд ли кто-нибудь посмеет сунуться.

– С чего бы это? Какое отношение вчерашняя драка между солдатами заставит гарнизон нас бояться?

Я с подозрением уставился на Гронфорта.

– Мы дрались с другими ротами.

– Это какой-то хитрый план? Свалим вину на соседние подразделения? Нам не поверят! У нас все поголовно ранены, а у них народ целый! Ротный, если чего удумал, так разъясни. Врать нужно одинаково! И людей надо подготовить. Как бы не сказали глупость какую-нибудь.

Я открыл рот, чтобы высказать десятнику все, что о нем думаю, но промолчал из-за неожиданно пришедшей мне в голову мысли.

«Им что, память заодно почистили? – подумал я. – И ложные воспоминания вложили? Ничего себе!»

– Ладно, лгать не станем. Оставим все как есть. Сам потом займусь, главное – отказников гоняй, обязанности между ними распредели, загрузи так, чтобы минутки свободной у них не было. Иди, мне подумать нужно.

Поразмышлять мне не дали: зашел караульный и доложил, что явился капитан Вест Дронт.

– Зови! – махнул я рукой.

Куратор зашел в мою комнату и огляделся, в руках у него были кувшин и корзина, накрытая вышитой салфеткой.

– Вижу, мебелью ты пока не обзавелся.

Он, не чинясь, присел на краешек перины, вывалил на нее продукты. Перевернул корзину вверх дном и использовал ее в качестве импровизированного столика. Разлил вино по кружкам и протянул одну мне.

– За знакомство!

Он выпил вино залпом, а я немного пригубил: не любитель я выпивать с утра, если, конечно, с похмелья не болею. Что, кстати сказать, было редко. В училище возможностей погулять от души не было.

– Чего невесел, Шустрый?

– Даже не знаю, что ответить.

– Не волнуйся так сильно. Тебе же дали десятину на боевое срабатывание подразделения? Вот и свалишь все на тренировку, приближенную к реальным условиям. Начальство уже в курсе, как все на самом деле было, но тебя все равно похвалят. Комендант лично из башни наблюдал, как твои бойцы друг другу в глотки вцепились. Очень довольный: «Выучки ноль, но зато какой боевой дух!» Так прямо и сказал.

– А как он в темноте драку с такого расстояния рассмотрел? – закатил я пробный шар.

Капитан на секунду завис, глаза стали бессмысленными, неожиданно он улыбнулся.

– Действительно, с чего я взял, что он с башни смотрел? Наверное, ночной обход совершал и все увидел! Хватит уже про драку. Тебе довели, что пятеро твоих людей вместе со сводным отрядом из леса не вернулись? Дикари засаду устроили и всех убили.

Пришла моя очередь зависать, я осторожно ответил:

– Нет.

– Такое здесь постоянно происходит, у меня тоже трое не вернулось, всего, говорят, человек тридцать пять погибло. Хорошо хоть офицеров с ними не было, только десятники. Своего брата-командира всегда хоронить тяжело. Но пару десятин можно новых рейдов не ждать, срубленного лаурина дикари, как всегда, трогать не стали, и он уже в крепости. Получается, что разрядку из столицы мы выполнили. Штрафников нам новых пришлют, беспокоиться не о чем!

– Скажи, а почему служба в крепости из рук вон плохо идет?

– Ты про маленькие караулы и толпы бездельников?

– Да.

– Во-первых, нападений на крепость не бывает, дикари соблюдают в отношении ее нейтралитет. Во-вторых, распоряжение коменданта – пограничникам после рейдов дают отдохнуть на полную катушку. Учитывая, что они постоянно туда ходят, вечно половина личного состава в увольнении. Вино и девиц им выдают бесплатно. Буянят немного, но не так часто, как кажется.

– Какие такие девицы? – вытаращился я.

– Обычные, туземные. По-твоему, дети в крепости из воздуха волей Небесного отца зародились? Наверное, я тебе неправильно объяснил. Дикари не нападают, потому что мы все на их дочерях женаты, из солдат примерно треть. К остальным подружки приходят, многие состоят на жалованье, у нас живут и бойцов обслуживают за деньги.

– Ты шутишь? Я вчера всю крепость прошел и ни одной не видел!

– Вечером увидишь – они придут знакомиться и заодно твоих мальчиков заштопают. Таких лекарок еще поискать! И вообще готовься свадьбы справлять. Жреца у нас нет, поэтому ты как командир роты браки и заключишь. Старайся женить их всем скопом, по несколько человек за один прием, иначе каждый день гулять придется. И не вздумай препятствовать. Родственники из леса придут – пусть делают что хотят. Видишь в крепости дикаря – за оружие не хватайся: дочку и внуков навестить пришел. И до роты этот момент обязательно доведи. Они, если захотят, крепость на раз захватят, просто родни не трогают. Понял?

– Ага! – ошарашенно ответил я. – В лесу, значит, родню убивать можно?

– И там не трогают, пока мы священный лес рубить не начинаем. Тогда держись! Съедят! Причем в прямом смысле слова – дикари все людоеды. Охотиться, хвороста там набрать или построить чего не возбраняется – на продажу деревья рубить нельзя! На день пути вокруг крепости наши охотничьи уголья. Дикари население крепости одним из своих племен считают, только убогим. Заветы предков не чтим и жадные очень, священные деревья рубим и продаем. Вот они и воспитывают, как могут, – то есть едят нас. Туземцы оказывают врагу большую честь, съедая его без соли. Пропуская через свой желудок, очищают его душу. А наши, по их мнению, очень грязные, и потому мы вкусные, по крайней мере так мне жена объяснила.

– Совсем ты меня запутал! Какой в этом смысл?

– Откуда мне знать? Это же дикари! У них мысли наизнанку вывернуты! Поклоняются Великому лесу и его сыну Кудеснику, Небесного отца не признают. Цивилизованному человеку их не понять. Я тоже сначала думал: почему они имперцев, которые украли растения, только до крепости преследуют, а внутрь никогда не заходят? Жена мне сказала, что в чужой дом с целью убийства заходить нельзя! Не ломай голову над причинами – знаешь, чего от них ждать, и этого достаточно. Мне идти пора, пей вино, поправляйся. По всем вопросам – ко мне, к коменданту и интенданту лишний раз не ходи. Если что, они вестового пришлют. Бывай!

Посмотрев вслед капитану, я схватился за голову: «Они здесь все оболваненные!»

Какие походы в лес за древесиной! Их же прямо в крепости на мясо режут! Как еще объяснить то, что я видел и что мне капитан рассказал? Получается, кто-то очень умный заключил договор с туземцами, поставляет им в обмен на древесину штрафников, которых приговорили к смерти за преступления. И не только: иностранцы без роду-племени тоже годятся. То-то меня удивило высокое жалованье в контракте – пять золотых в десятину. Платить его никто и не собирался! Поначалу на это внимания обращать не стал, но потом-то я немного в ценах разобрался. Осталось понять – при чем здесь чудовища? Или все же что-то вновь ускользнуло от моего внимания? Наверняка где-то я ошибся в своих выводах. И писк этот! Ментоизлучатель, который работает на других принципах? На станции я его не слышал, хотя наставник утверждал, что он там есть и постоянно включен. Почему на меня не действует? Неужто все дело в измененном геноме? Очень похоже!

[Купить полную версию книги](#)